Счастье момента

Автор:
Анне Штерн

Счастье момента

Анне Штерн

Тайны старого города #1

Берлин. 1920-е годы. Молодая энергичная акушерка Хульда Гольд очень популярна в своем районе, где на фоне нищеты и трудностей зарождается новая жизнь, где тень и свет соседствуют друг с другом, а тайны прошлого грозят разрушить все.

Она с радостью помогает тем, кто в этом нуждается, порой серьезно рискуя. В этот раз она пытается выяснить, почему погибла проститутка Рита, и знакомится с комиссаром Карлом Нортом. Оба чувствуют притяжение друг к другу, но есть еще старый поклонник Феликс, владелец кафе, который, кажется, до сих пор неравнодушен к Хульде. Кого из них выберет Хульда? И сможет ли она узнать секреты Риты?

Анне Штерн

Счастье момента

Anne Stern

FR?ULEIN GOLD: SCHATTEN UND LICHT, Vol. 1

© 2020 by Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg

© Зубарева А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

«Удивительно, – сказал Вольфганг, – на улице стоит мертвая тишина, светит луна, а они здесь играют в жизнь. И мы присоединяемся к этому спектаклю, серьезно и искренне, даже не зная, что было в первом акте».

Курт Тухольский, «Райнсберг: иллюстрированная книга для влюбленных», 1912 год

Пролог

Среда, 24 мая 1922 года

Медведь стоял на задних лапах и как будто пританцовывал. Рядом олень опустил свои могучие рога на землю, словно сдаваясь на его милость. Рита провела пальцем по прохладной поверхности свирепых львиных голов, выгравированных на железных перилах и блестевших в желтом свете фонаря. Подняв взгляд, она увидела, как поезд подобно хвосту кометы тянется по уходящей в берлинское небо эстакаде и исчезает в сгущающемся мраке по направлению к Потсдамерплац. Его огоньки отражались в черной воде.

День выдался теплым и, несмотря на то, что порой проскальзывали отголоски прохлады, нес с собой предчувствие лета. Был май, но погода стояла скорее апрельская. Порыв ласкового ветерка игриво закружил мелкие листья бука и липы, погладил мерцающие в сумерках серебристо-серые стволы деревьев, а потом заставил Риту вздрогнуть. Она вцепилась в перила моста и посмотрела вниз, на лениво текущие воды Ландвер-канала, на засасывающие глубины. В первые годы брака они с Конрадом часто ходили купаться – обычно на Ванзее, где песчаный берег плавно переходил в голубую гладь воды, которая расходилась пологими волнами, омывавшими Рите ноги. С ее места казалось, что голова Конрада качается, как буек. Рита не умела плавать, поэтому просто стояла и смотрела на зеленую кромку берега, на играющих детей. Воспоминания

вызвали у нее улыбку, перед глазами встали купальные костюмы тех времен. Что люди только не носили – особенно женщины! Длинные шаровары, купальные платья и даже шляпки. Это было еще до войны.

Рита со вздохом опустила взгляд на свой сегодняшний наряд. На ней было тонкое, почти прохудившееся от многочисленных стирок платье, не скрывающее рук и дряблой кожи декольте, и туфли на высоком каблуке. Тощие плечи Рита скрыла под шерстяной шалью – вечерами было довольно прохладно. На лице она чувствовала косметику, которая засохла и собралась в морщинках. От той девушки, которой Рита некогда была, не осталось и следа. Даже собственное тело больше ей не принадлежало – каждую ночь она продавала его за несколько марок.

Сегодня Рите передали записку от одного из поклонников. «Поклонниками» она мысленно называла мужчин, с которыми спала за деньги. Безнадежно старомодное слово – да и ложь ко всему прочему, но так преодолевать невзгоды было чуточку легче.

– Только шустрая Рита согласится пойти на встречу с таинственным незнакомцем, – произнесла Мари густо накрашенными губами, и остальные женщины насмешливо захихикали. Рита ненавидела это прозвище, но не позволила замечанию задеть себя за живое. Она прочитала послание. Этим вечером ей назначили свидание у Кетенского моста. Пожав плечами, Рита сунула записку в декольте и отправилась на поиски жадных до любви прохожих, которых не заботят ее морщины и редеющие волосы – пока она дает им то, что они хотят.

Высоко над головой загромыхал очередной поезд, и Риту охватило странное беспокойство. Где же автор послания? Она тратит свое время, напрасно ждет, отдавая потенциальных клиентов остальным проституткам в Бюловбогене…

Звезды на небе тускло мерцали, листья на деревьях шептали знакомую песню… «Как же здесь красиво», – подумала Рита, несмотря на обстоятельства.

Кто-то неожиданно схватил ее со спины. Крепко схватил. Зажал рот рукой – Рита и вскрикнуть не успела. Но она закричала мысленно, сражаясь со страхом смерти, который охватил ее при виде распростершейся внизу блестящей черноты. Она услышала пыхтящий вздох, увидела упавшую на перила

бесформенную тень. В следующую секунду нападавший приподнял ее истощенное тело, перекидывая через железный парапет. Пока Рита падала, внутри у нее все похолодело и словно оборвалось, а в голове промелькнула мысль, что, возможно, погружение в воду похоже на полет – или полет наоборот, – и что отныне она перестанет быть «шустрой Ритой» и превратится в птицу, рыбу или кого-нибудь еще.

Это было последнее, о чем Рита успела подумать, прежде чем у нее над головой сомкнулись черные воды, и она широко открыла рот, встречая свою смерть.

Глава 1

Суббота, 27 мая 1922 года

«Хульда Гольд не похожа на остальных девушек», – подумал Берт, глядя на Хульду из своего маленького киоска. То, как она шла по базарной площади Винтерфельдплац – не вразвалку, не прогулочным шагом, а быстро и целеустремленно, – никого не оставляло равнодушным. Стройная фигурка, высокий рост, ставший причиной легкой сутулости, юбка до колен, серая блузка и красная фетровая шляпка, венчающая голову с короткой стрижкой… Хульда промаршировала мимо киосков и лавок, чуть не снеся большой цветочный горшок Эрики Грюнмайер, и направилась прямиком к окошку Берта.

Берт машинально поправил шелковый платок у себя на шее, а потом усмехнулся: он годится Хульде в отцы, с натяжкой – даже в деды. Впрочем, разве не все здесь немного влюблены в эту девушку?

– Доброе утро, милая госпожа Хульда, – поздоровался Берт с ноткой благоговения и склонил голову в небольшом поклоне. «Она выглядит усталой», – подумал он, заметив глубокие тени под серо-голубыми глазами девушки. Левый, как обычно, был устремлен куда-то мимо Берта, словно Хульда не могла решить, куда ей смотреть.

– Доброе утро, Берт, – сказала она, слегка запыхавшись. – Как вы поживаете?

– Грех жаловаться. – Берт указал сначала на витрину, заставленную стопками газет и журналов, а потом на стеллажи, на которых они висели так, чтобы можно было разглядеть заголовки, соперничающие друг с другом за внимание публики.

– Люди ежедневно интересуются подробностями о разводе Греты Шредер, ценами на хлеб и тем, когда в этом году созреет клубника. И хотят узнавать новости раньше всех. Газеты прокисают, как молоко, если не продать их вовремя. С шести утра у меня побывала добрая половина Шенеберга. – Берт огляделся. – Однако сейчас, похоже, все подуспокоились.

Хульда кивнула и мимолетно улыбнулась. «Она выглядит рассеянной», – с легким беспокойством подумал Берт. Светлые глаза с серебристым отливом обшарили площадь, скользнули по кустам боярышника, вокруг которого росли маленькие яркие цветы. Потом девушка взяла газету и принялась просматривать заголовки. На протяжении последних нескольких недель с первых полос не сходили новости о германо-советском договоре, который заключили рейхминистр иностранных дел Ратенау и русский нарком Чичерин в итальянском городке Рапалло. Левые праздновали сделку с Советами, а правые яростно выступали против. Это случилось в апреле, а сейчас уже распустилась сирень, и царствующая в Берлине весна подходила к концу.

На пороге стояло лето.

«Пока 1922 год был относительно спокойным», – подумал Берт и зажмурился, когда под навес киоска скользнул солнечный лучик. Впрочем, за свою долгую жизнь Берт повидал достаточно, чтобы чувствовать: внутри молодой республики нарастает недовольство. Внешнее впечатление бывает обманчивым, думал Берт, поглаживая свои роскошные усы. Ничто не прощено и не забыто – ни погибшие в Великой войне, ни годы страданий, ни политические убийства, которые после войны стали для Германии обычным делом. Месяцы мнимого затишья, последовавший за ними военный переворот, когда два года назад бригада Эрхардта заняла правительственный квартал – что стало своего рода необходимым ответом на незаданный вопрос.

Берт смотрел, как Хульда проглатывает заголовки один за другим, слегка приоткрыв губы и нахмурив брови. Не о путче ли она вспоминает? Демократии всего год, она – невинный ребенок, которому снова грозят насилием. Многие были убиты, многие – ранены, когда путчисты устроили кровавую баню. Но

берлинцы умеют защищаться, они бастовали и здесь, в Шенеберге, они остановили движение на главной улице, пока националисты не выбежали из шенебергской ратуши, словно крысы. Сейчас в стране воцарилось шаткое спокойствие, но под этим спокойствием бурлит людской гнев, вызванный кабальным договором, согласно которому Германия считается единственной проигравшей в войне стороной и должна выплачивать огромные суммы денег в качестве репараций. Многие называют Версальский договор «позорным миром», и с некоторых пор невидимые кукловоды снова собирают силы, чтобы вернуть себе потерянную честь и ударить по демократии. Что будет дальше?

Наконец Хульда подняла взгляд.

– Никаких плохих новостей, – заключила она, словно прочитав его мысли.

– Да, все тихо, – проворчал Берт.

Почему он изводит себя страхами и раздумьями, когда над крышами Шенеберга ярко улыбается солнце, в лавке старухи Грюнмайер пионы соревнуются в красоте с левкоями, а за этим цветочным великолепием неутомимым стражем возвышается величественный собор Святого Матьяша?

– Милая моя Хульда, неужто в этот погожий денек у вас выходной?

– Да, сегодня никаких пациентов. И никто пока не прибежал, чтобы сообщить о начавшихся родах. К счастью. Прошлая ночь закончилась слишком быстро. – Хульда зевнула, забыв прикрыть рот ладонью. – У беременной с Курфюрстенштрассе отошли воды, и домой я вернулась только на рассвете.

– Надеюсь, все закончилось благополучно?

– Да. С мальчиком все хорошо. У родителей он четвертый, поэтому отпуск по родам мать вряд ли получит. Отец работает токарем в несколько смен, и теперь ему придется кормить уже шесть ртов.

Берт задумчиво кивнул. Сколь бы красочной и радостной ни казалась жизнь здесь, на базарной площади, будни простых людей из густонаселенных доходных домов трудны и мрачны. Берта передернуло от воспоминаний о том,

что некогда он тоже жил в бедности, среди запаха сырого белья, нечистот надворных туалетов и немытых тел, в вечном страхе перед очередным неоплаченным счетом за газ. Берт торопливо пригладил свой расшитый узорами жилет, схватил свисавшую из нагрудного кармана золотую цепочку от часов, словно талисман, и глубоко вздохнул. Его взгляд метнулся к Хульде. Заметила ли она что-нибудь? Берт не любил вспоминать о своем далеком прошлом и никогда о нем не рассказывал.

Впрочем, беспокоился он напрасно: Хульда уже отвернулась и глядела куда-то вдаль – возможно, рассматривала богатый выбор сыров из фермы Петерса, запах которых тянулся вдоль лавок и мимо шарманки. По воздуху разливалась томная мелодия известной песни, которую, на взгляд Берта, играли слишком часто. «Это было в Шенеберге в мае месяце»… Но Хульда, казалось, не слушала. Прищурившись, она буравила взглядом кафе «Винтер», где хозяйский сын расставлял стулья на тротуаре. До газетного киоска доносился слабый аромат кофейных зерен. Берт понимающе улыбнулся, проследив взгляд Хульды. Теперь ясно, что ее отвлекло.

– Как поживает наш милый Феликс?

Хульда едва заметно вздрогнула. Посмотрела на Берта и неуверенно рассмеялась:

– А мне откуда знать?

– Милая моя госпожа Хульда, – сказал Берт дружелюбно, но слегка укоризненно. – Сколько лет мы с вами знакомы? Я думал, мы добрые друзья. Нет нужды разыгрывать передо мной спектакль, актриса вы никудышная. Вас всегда выдают глаза.

Щеки Хульды вспыхнули румянцем. Она принялась ковырять носком туфли булыжник на мостовой.

– А что Феликс? Думаю, у него все прекрасно. Дела в кафе идут хорошо – посетителей много, там всегда очереди, то и слышен звон кассы…

– Я спрашивал скорее про его сердце.

– Не мне судить. Я уже давно не имею к его сердцу никакого отношения.

Берт усмехнулся.

– Уверен, он считает иначе. Но не волнуйтесь, я не собираюсь вас более мучить. Если меня вдруг спросят, я расскажу официальную версию: госпожа Хульда, летающая на велосипеде повитуха с Винтерфельдтплац, не имеет никакого отношения к сердцу господина Винтера-младшего.

– Благодарю, это очень любезно с вашей стороны, – ответила Хульда слегка язвительно.

Берт спокойно продолжал:

– Я позволю себе дерзость задать последний вопрос: как поживает ваше сердце, милая Хульда?

– Оно делает свою работу. – Хульда прижала свернутый в трубочку экземпляр газеты «Берлинер Тагеблатт» к груди, как пистолет. – Сколько я вам должна?

Берт со вздохом взял позвякивающие монеты и покачал головой, провожая взглядом Хульду, которая с высоко поднятой головой отошла от газетного киоска и побежала в пекарню Визе, где, скорее всего, как обычно купит одну белую и одну ржаную булочку. Стук ее каблучков по мощенной мостовой звучал укоризненно, и Берт подумал, не слишком ли далеко зашел в своих поддразниваниях. Но эта молодая девушка годами озадачивала его. Он знал Хульду еще тогда, когда она малышкой бегала по площади в сползающих чулках и с той смесью гордости и ранимости, которую можно увидеть у нее на лице по сей день. Время от времени Берт давал девочке леденцы или лакрицы, хотя в глазах у нее читался голод, который сладостями не утолить. Позже Берт стал свидетелем того, как в Хульду влюбился сын Винтеров, и в течение нескольких лет все здесь, на площади, предполагали, что этот милый кареглазый мальчик женится на непоседливой Хульде. Но потом страну захлестнула война, и жизнь распорядилась иначе.

Подошел покупатель – мужчина в костюме песочного цвета и в шляпе с плоской тульей и короткими прямыми полями. Берт никогда не видел его прежде. Он проводил неодобрительным взглядом струйки дыма, которые вырывались из

приоткрытых губ с зажатой между ними сигариллой и туманом поднимались к навесу. Пепел упал на одну из газет, раздалось громкое шипение. Незнакомец виновато рассмеялся и выбросил сигариллу.

– Прошу прощения. Думаю, теперь мне придется ее купить.

Берт не сказал «нет» и с вежливым поклоном протянул руку, принимая деньги.

Мужчина стряхнул пепел с газеты, скрутил ее в трубочку и засунул себе под мышку. Потом пробежался глазами по прилавку. «Б. З.», «Фоссише Цайтунг», «Моттенпост»… Он казался разочарованным.

– Ничего не слышно о трупе из канала?

– Прощу прощения?

– О, так вы не слышали? Из Ландвер-канала выловили мертвую женщину. Она некоторое время пролежала в воде. Наверное, не очень приятное зрелище.

– Нет, я ничего об этом не знаю, – покачал головой Берт. – Она утонула?

– Говорят, покончила с собой, – ответил незнакомец, пожимая плечами.

– Бедная женщина.

Мужчина не выглядел расстроенным, напротив – губы его искривила возбужденная улыбка.

– Кто знает, вдруг в Берлине объявился маньяк, охотящийся на женщин? Нам не впервой. Да и простых преступников здесь хватает. Жажда крови, деньги, месть и все такое… из-за этого гибнет много людей. Особенно в этих кругах, знаете ли.

– О чем вы?

– Она была потаскушкой, – беспечно сказал мужчина, приподнял шляпу и был таков.

Берт вздрогнул. Резкие слова незнакомца взлетели в голубое весеннее небо. Он окинул взглядом базарную площадь, впитывая в себя все вокруг, словно желая убедиться, что оно настоящее. Вот на прилавке лежат тюльпаны, гортензии, гвоздики и букеты ярких цветов. Вот играют дети, с улюлюканьем гоняя палками железные обручи по мостовой. Вот деревянный чан со сливочным сыром. Вот попрошайки – оборванные сопляки, которые ходят от одной лавки к другой, протягивая свои грязные ручонки. А вот, посреди всего этого, маячит красная шляпка Хульды, обладательница которой закончила болтать с булочником и теперь со свертком в руках мчится через площадь, распугивая голубей.

У кафе Хульда остановилась. Берт видел, как она села за столик и подставила лицо солнцу. Видел, как вышел Феликс, на голове которого была кожаная кепка. Немного помедлив, он расправил плечи и подошел к Хульде. Берт не слышал ни слова, но видел улыбку Хульды, в которой, казалось, мелькнуло извинение, и натянутую улыбку Феликса. Юноша коротко кивнул, развернулся на каблуках и исчез в кафе, чтобы исполнить заказ. Вскоре он поставил перед Хульдой чашку кофе. Хульда схватила Феликса за руку, он нерешительно замер, но потом сбросил ее ладонь и ушел. «Сбежал», – подумал Берт, отвел взгляд, нацепил на нос очки и погрузился в один из рассказов Тухольского, которые читал, когда не было покупателей. История рассказывала о двух влюбленных из Райнсберга. История оказалась забавной, она была легко написана и быстро читалась, но за дурачествами Вольфганга и его возлюбленной проглядывала печаль. Берт снова вздохнул, удивляясь, почему сегодня, в этот погожий денек, его охватило такое меланхоличное настроение.

Глава 2

Воскресенье, 28 мая 1922 года

Хульда выругалась. Она и без того опаздывала, а теперь еще и колесо спустило… «Какая досада», – подумала она. Придется идти в Бюловбоген пешком. Это всего в десяти минутах ходьбы, но Хульда опять проспала, и юная Лило Шмидт, со страхом ожидающая родов, будет переживать, если ее акушерка не явится в назначенное время. Хульда ненавидела разочаровывать людей, которые в нее верили. Она словно наяву увидела лицо Лило с мягкими чертами, кукольные карие глаза, умоляющие о помощи, и тут же ощутила

угрызения совести, острые, как зубная боль. А потом подумала, что ее не должны мучить угрызения совести, поскольку ей даже не платят за осмотр. Медицинские страховые компании не принимают счета за наблюдение за беременностью – только за роды. И за уход за новорожденным в первые несколько дней, чтобы акушерки помогали новоиспеченным матерям. Высокий уровень детской смертности тревожит государство, поскольку каждый умерший ребенок – удар по нему. Для того, чтобы улучшить положение, создавались консультационные центры, где матерям рассказывали, как ухаживать за ребенком. Но перед родами женщины остаются наедине со своими трудностями и страхами.

Хульда по опыту знала, что роды проходят куда легче, когда участники процесса знакомы друг с другом, поэтому иногда посещала семьи по собственной инициативе, то есть бесплатно. Хульде казалось, что как акушерка она может на что-то повлиять. Так она чувствовала себя важной и полезной.

Но житейские невзгоды слишком часто вставали у нее на пути, вот как сейчас – это спустившее колесо.

Тяжко вздохнув, Хульда схватила кожаный саквояж с инструментами и толкнула велосипед к стене. Он упал на мусорный бак, и по округе прокатился оглушительный грохот. Хульда закусила губу и, не отводя взгляда от дома, торопливо подняла своего железного коня.

Из открытого окна на втором этаже, выходящего в ухоженный двор Винтерфельдтштрассе, высунулась голова квартирной хозяйки, роскошные белые волосы которой были накручены на многочисленные бигуди.

– Во имя всего святого! Хульда, что вы там расшумелись?

Щеки у нее блестели, как наливные яблочки, а острый, словно флажок, нос подрагивал от негодования. Маргрет Вундерлих была не из тех, кто позволит шуметь до восьми утра в своем обожаемом доме.

Хульда незаметно закатила глаза, а потом прокричала:

– Прошу прощения, госпожа Вундерлих! У моего велосипеда спустило колесо!

– Это не повод устраивать такой переполох. Да еще в воскресенье, – ответила хозяйка, запахивая халат на пышной груди. Ее брови были неодобрительно вскинуты, но через несколько секунд губы изогнулись в легкой улыбке. – На сей раз я прощу вас, Хульда, пусть даже вы напугали моего маленького Морхена. – Она указала на толстого черного кота, невозмутимо сидевшего на подоконнике.

Хульде было ни капельки не жаль животное, постоянно таскавшее в дом дохлых крыс.

Госпожа Вундерлих тем временем продолжала:

– Как бы то ни было, дорогая Хульда, я обеспокоена акробатическими этюдами, которые вы проделываете на этом своем велосипеде. В мое время было немыслимо, чтобы женщины пользовались этим устройством. Сидеть на жестком сиденье, расставив ноги… С медицинской точки зрения это крайне вредно. Подумайте о будущем, когда… ну вы сами знаете.

Хульда почувствовала, как в ней поднимается волна гнева. Можно подумать, ее квартирная хозяйка, которая всю жизнь только и делала, что жарила яичницу да меняла постельное белье, разбирается в медицине! Хульда с полным правом может называть себя специалистом по женскому здоровью, но в глазах госпожи Вундерлих она – незамужняя девушка с сомнительной работой. Да и бездетная к тому же. Проглотив колкость, Хульда просунула цепь велосипедного замка в колесо, затем – в железное кольцо на стене дома и провернула в замке ключ.

Хульда прожила в комнате на мансарде почти четыре года, поэтому хорошо знала госпожу Вундерлих и понимала, что возражениями только раззадорит ее. А у Хульды не было времени на споры. Лило ждала ее.

– Тогда вы будете рады услышать, что сегодня я пойду пешком, – сказала она, обезоруживающе улыбнулась вытянувшемуся от удивления лицу своей квартирной хозяйки, помахала ей и быстро выбежала со двора на улицу, куда голос госпожи Вундерлих не сможет за ней последовать.

Хульда злилась, когда госпожи Вундерлих лезла в ее дела, но не могла не признать, что ценит заботу. Госпожа Вундерлих была единственным человеком в мире, за исключением разве что Берта, продавца газет, который заботился о ее благополучии. Хульда невольно улыбнулась, вспомнив теплые вечера, которые

провела на кухне Маргрет Вундерлих, сидя у пузатой печки с горячим грогом в руках и слушая болтовню квартирной хозяйки.

Но настроение Хульды оставляло желать лучшего, поэтому вскоре улыбка сползла с ее губ. Подержанный велосипед, который Хульде посчастливилось купить, был для нее воплощением свободы. Он нес ее по улицам, словно ветер, и обгонял даже автомобили, когда те, наперебой гудя клаксонами, стояли в пробке на Потсдамерштрассе. Он на короткие мгновения преодолевал законы времени и пространства – и пола, потому что девушек, ездивших на велосипеде, можно было по пальцам пересчитать. Обычно такую покупку могли позволить себе только работающие мужчины. Велосипед обошелся Хульде в кругленькую сумму, которую она копила несколько месяцев, но он того стоил. Теперь снова придется его чинить, а она ненавидела это занятие. Это Феликс показал Хульде, как накачивать колесо. Мысль о Феликсе отнюдь не улучшила ее настроение.

Хульда ускорила шаг и пересекла Потсдамскую улицу, полную пивных и винокуренных лавочек, парикмахерских и магазинчиков с женской одеждой. Ловко уворачиваясь от автомобилей, конных повозок и двухэтажных желтых омнибусов, Хульда направилась вдоль Альвенслебенштрассе, ведущей к Денневицплац. Здесь в небо уходили высокие ряды доходных домов, поглощающих свет весеннего солнца. Слева от Хульды по железным, окрашенным в красно-серый цвет рельсам на эстакаде прогремел поезд, исчезая в доме 70 по Бюловштрассе. В том доме построили туннель для беспрепятственного железнодорожного сообщения через город. Рельсовое чудовище вонзалось в здание, словно металлический змей, завораживающий своим уродством. Хульда с усмешкой подумала, что только в Берлине могли продырявить дом, потому что он якобы мешал прогрессу.

Перед популярном пабом «Академише Бирхалле» мужчины-работяги выгружали пивные бочки, доставленные из кройцбергкой пивоварни «Виктория», чтобы измученные жаждой берлинцы могли промочить здесь горло после работы. Мужчинам помогали дети-беспризорники, надеявшиеся подзаработать пфенниг-другой. Высокий светловолосый юноша с детскими чертами лица покачивался под тяжестью бочки, но сумел дотащить ее до входа, после чего смахнул с лица мокрые от пота волосы. «Для своего возраста он на удивление силен», – подумала Хульда. Выждав подходящий момент, маленькая лохматая девочка в лоснящейся от грязи одежде стащила из повозки сверток и с торжествующим ревом бросилась прочь, на бегу запихивая добычу себе в рот под неискренние возмущения работяг.

Хульда была рада за малышку, хотя при виде голодных детских мордашек, напоминавших обезьянок в берлинском зоопарке, у нее всегда перехватывало горло. Она отвернулась и вошла в соседний дом, узкое здание с тремя заваленными мусором приямками, где сновали крысы. На стене белой краской было написано «Смерть евреям!» и «Прочь с немецкой земли!». Воняло древесным углем и нечистотами туалетов, находящихся на темных лестничных пролетах, общих на несколько квартир. Хульда знала, что болезни любят такие места и часто поражают бедняков, ютящихся в сырых продуваемых квартирах. Вдобавок ко всему люди частенько за небольшую плату сдавали свободный угол, потому что после войны в Берлине остро не хватало жилья.

Хульда принялась взбираться по узеньким ступенькам бокового флигеля. Ей пришлось перешагнуть через храпящего рабочего, который спал на матрасе посреди лестничного пролета. Сверху послышался звук торопливо приближающихся шагов, и с Хульдой поравнялась худенькая девочка лет пятнадцати с заостренным лицом и песочно-рыжими косичками. Рваная одежда и небольшой сверток, который девочка прижимала груди, говорили о том, что она проскользнула вчера в дом, чтобы укрыться от прохладной весенней ночи на лестнице. На мгновение их взгляды встретились, и Хульда прочитала в глазах девочки страх и отчаяние загнанного в угол зверька.

Хульда решительно схватила ее за руку, ощущая выступающие острые косточки – результат длительного недоедания.

– Постой, – сказала она. – Есть хочешь?

Девочка недоверчиво посмотрела на нее и осторожно кивнула. Хульда полезла в карман пальто, вытащила яблоко, которое торопливо сунула туда во время сборов, и протянула девочке. Смерив яблоко жадным взглядом, девочка спрятала его в недрах своей грязной одежды, молча прошмыгнула мимо Хульды и сбежала вниз.

Хульда покачала головой. Город должен был помогать малоимущим, но ресурсов не хватало. Как же это злило! Страна все еще зализывала раны после войны, казна с трудом выплачивала репарации. Добавим сюда стремительно растущую инфляцию, которая съедала все деньги… С каждым днем Хульда видела на улицах все больше детей-беспризорников, и ей приходилось сдерживаться, чтобы не помогать всем. В первую очередь она должна заботиться о нерожденных детях, которые желают увидеть свет этого изменчивого мира.

Быстро поднявшись наверх, Хульда постучала в квартиру Шмидтов. Краем глаза она заметила, что дверь напротив заклеена лентой. Полиция опечатала квартиру. Хульда пожала плечами и принялась ждать, когда же на пороге появится детское личико Лило, но вместо этого дверь открыл ее муж Вольфганг. Кожа молодого заводского рабочего была землистого цвета, на щеках и подбородке темнела щетина.

– Госпожа Хульда! – сказал Вольфганг, и в его усталых глазах появилось облегчение. – Проходите скорее. Лило уже извелась, боялась, что вы не придете.

– Прошу меня извинить. Утром я обнаружила, что у моего велосипеда спустило колесо. Мне пришлось идти пешком.

– Прокол?

Хульда пожала плечами:

– Не знаю.

– Прикатите велосипед сюда. Я только со смены и хочу ненадолго прилечь, но вечером могу быстренько починить его перед работой.

Девушка отмахнулась:

– Спасибо за предложение, но я и сама справлюсь. Вам нужно отдохнуть. Если у вас есть свободное время, то лучше проведите его со своей женой, а не чините велосипед повитухе.

– Да не, я с удовольствием, – сказал Вольфганг, смущенно почесывая затылок. – Мы ведь не можем вам заплатить.

Хульда подняла руку, показывая, что тема закрыта. Наверняка Вольфганг и правда был бы рад сбежать из тесной квартирки, вместо того чтобы стирать белье у низкой раковины и терпеть беспокойную болтовню Лило. «Но ему, как и всем будущим отцам, придется через это пройти», – подумала Хульда, сдерживая улыбку. Рождение ребенка касается не только матери, но и всей семьи, и Хульда взяла за привычку готовить мужчин к тому, что после появления

младенца их жизнь изменится.

– Что случилось с вашими соседями напротив? – поинтересовалась Хульда, чтобы сменить тему.

Вольфганг с обеспокоенным видом приложил палец к губам и покачал головой.

– Понятия не имею, но не упоминайте об этом при Лило, прошу. Она сейчас комок нервов. Лило последние дни не выходит из квартиры, поэтому пока ничего не знает. – Он провел пальцами по волосам. – Рита Шенбрунн – одинокая женщина. Потаскушка – извиняйте за грубое словечко, госпожа Хульда. Не такой компании я желаю для своей беременной жены. Мне давно следовало пресечь их общение, но Рита пришлась Лило по душе. Надеюсь, с ней все хорошо. В любом случае, Лило сейчас не следует беспокоиться.

Хульда не могла не согласиться, даже если ей было противно от того, насколько покровительственно Вольфганг говорит о своей жене. Собственная независимость в очередной раз показалась Хульде благословением.
Но Вольфганг был прав: волнение – яд для беременных.

– От меня Лило ничего не узнает, – прошептала она.

Вольфганг благодарно кивнул и провел ее через узенький коридор на кухню, рядом с которой находилась спальня. Других комнат в квартире Шмидтов не было. Пахло капустой и затхлым постельным бельем, но на кухонном столе стояла кружка с полевыми цветами, а чайник на плите блестел. Через все помещение тянулась бельевая веревка, на которой висели серовато-белые рубашки и кальсоны, которые, наверное, долго сохли в этой духоте.

– Налить вам кофе? – вежливо спросил Вольфганг и, склонив голову, направился к плите.

Но Хульда отмахнулась от него.

– Я сама. А вы ложитесь-ка спать, – приказала она.

Вольфганг снова благодарно кивнул, лег на узенькую скамейку у кухонного окна, завернулся в шерстяное одеяло и мгновенно заснул.

Хульда поставила чайник, взяла свой саквояж и направилась в спальню. Лило все еще лежала в постели. Эта девушка, находившаяся на сносях, напоминала Хульде беспомощное животное, которое забилось в нору. Она не стала озвучивать свои мысли, только ободряюще улыбнулась и поприветствовала Лило:

– Доброе утро, моя дорогая. Вы прекрасно выглядите. – Святая ложь была частью ее работы.

Широкие карие глаза Лило блестели, словно она недавно плакала, волосы были спутаны и немыты. Но благодаря круглому лицу с нежной светлой кожей и розовой ночной рубашке Лило выглядела совсем юной и какой-то трогательной. Смутившись, девушка затеребила кружевную кайму на вырезе.

– Вольфи смеется надо мной, мол, я слишком беспокоюсь об одежде. Но знаете, если уж жить в этой помойке, – Лило угрюмо обвела рукой комнатушку, почти полностью занятую двуспальной кроватью и ветхим комодом с отколотыми углами, – то надо постараться хотя бы выглядеть прилично. – Девушка понизила голос, словно собираясь поделиться сокровенной тайной, и продолжила: – В юности я мечтала стать швеей, но у родителей не было денег, чтобы отправить меня в школу. А уж отдать в подмастерья так тем более! Потом я вышла замуж, вот, жду ребеночка… Но в глубине души я мечтаю шить бальные платья и шикарные наряды для кинозвезд. Как в кино. Вы когда-нибудь были в кино, госпожа Хульда?

Хульда кивнула. Она была частой гостьей кинотеатров, куда сбегала от реальности, но ей не хотелось хвастать этим перед юной девушкой.

– Я с легкостью могу представить вас за швейной машинкой, Лизелотта. У вас талант, это видно по вашей ночной рубашке и вон той симпатичной шапочке.

– Пожалуйста, зовите меня Лило, как и все, – надула губки девушка, потом посмотрела на белую вязаную шапку, лежащую на стуле, и ее личико просияло. – Это соседка мне подарила. Ну, для ребеночка. Миленькая шапочка, правда?

Хульда кивнула:

– Еще довольно прохладно, и на улице малышу она будет нужна. У младенцев не развит теплообмен, в отличие от детей постарше или взрослых, поэтому им всегда нужно прикрывать голову. – Желая избежать разговора о соседке, Хульда сменила сменила тему: – И раз уж об этом зашла речь, вы уже подготовили вещи для ребенка?

Лицо Лило помрачнело. Она пожала плечами.

– На заводе снова сократили жалованье. У нас не осталось денег ни на ткань, ни на пряжу. Мы даже подержанную коляску не можем купить. Мой бедный малыш с самого рождения поймет, что значит жить в жалком Бюловнике…

Хульде стало жаль эту девушку. Она знала, что больше всего на свете Лило хочет позаботиться о своем ребенке. Она осторожно сказала:

– С коляской я могу вам помочь. У меня есть знакомые, которые отдают коляску своего ребенка. Если вы согласны, то через несколько дней я привезу ее.

По лицу Лило было видно, что в ней борются радость и уязвленное самолюбие. Первое победило.

– Благодарю, госпожа Хульда, это было бы здорово. – Она с готовностью закивала. – Мне хочется показать свое сокровище всему миру, хочется гулять с ним по улицам! Здесь, в квартире, я чахну как цветок. Но с этим мячиком, – она указала на свой живот, – мне страшно спускаться по лестнице.

– Солнце и свежий воздух полезен как матери, так и ребенку, – подтвердила Хульда. – Что касается одежды, – продолжала она, – то первое время малышам нужно немногое. Пары рубашек и двух пар шерстяных штанов будет достаточно. Может, здесь, в доме, есть семьи с детьми постарше, которые могли бы одолжить вам детские вещи?

Лило кивнула:

– Да, две соседки уже предложили мне одежду. Мне бы очень хотелось одеть малыша во что-нибудь новенькое, но вы правы: у меня нет права привередничать. Вольфи тоже всегда так говорит.

Из кухни доносился храп Вольфганга, и Хульда подумала, что чем быстрее Лило смирится со своим положением, тем лучше. Вряд ли оно изменится: ее муж – неквалифицированный заводской рабочий, скоро у них будет ребенок, а потом еще один и еще. Вскоре в этой комнатушке будут спать трое Шмидтов, а через несколько лет – четверо или пятеро. Хульда видела, как такое происходило во многих семьях, которые она навещала. Лило и Вольфгангу некогда будет переживать из-за отсутствия кружев или новой детской одежды. Им предстоит бороться с болезнями, вшами, голодом, горами белья и гнетущей нищетой. Им предстоит зажиматься и экономить, чтобы дать своим детям хоть начальное образование – и в конце концов придется пожертвовать собственными мечтами и амбициями. Такова жизнь, которая их ждет, неотвратимая и беспощадная. Шмидты родились на Бюловштрассе, здесь они и умрут. Если очень повезет, то в старости, но, скорее всего, в расцвете лет, – в родах или от болезни.

Хульда испугалась своих мрачных мыслей. Иногда девушка задавалась вопросом, почему она продолжает помогать семьям из бедных районов, хотя ничего не может изменить? Ответ: потому что она должна им помочь! Потому что у людей только одна жизнь, и они имеют право прожить ее настолько достойно, насколько возможно.

Акушерка глубоко вздохнула. На кухне засвистел чайник, и она заторопилась туда, боясь разбудить Вольфганга. В шкафу над плитой она нашла посуду и одну банку с чаем и одну – с кофезаменителем из цикория, положила ложку заварки в кружку с отколотой ручкой и залила кипятком. Потом осторожно, стараясь не разлить, отнесла кружку в спальню и поставила на комод, остужаться.

Хульда пододвинула саквояж к изголовью кровати и потерла руки, чтобы их согреть.

– Что ж, посмотрим, что вытворяет наш маленький проказник, – сказала она с напускным весельем.

Глаза Лило засветились от радости. Удивительно, но какими бы бедными и несчастными ни были люди, рождение ребенка для большинства из них означало

одно: счастье.

– Хотелось бы мне знать, мальчик это или девочка, – тихо сказала Лило.

Рассмеявшись, Хульда достала из саквояжа инструменты.

– К сожалению, этого слуховая трубка нам не скажет, поэтому придется немного подождать.

Она задрала ночную рубашку и ощупала беременный живот.

Лило с тревожным видом следила за каждым движением, пока Хульда не закончила и не похлопала ее по руке.

– Все замечательно. С последнего осмотра ребенок не перевернулся, он послушно лежит головой вниз. Можно сказать, что он на финишной прямой. – Хульда положила руку Лило на живот и погладила его. – Ваш малыш хорошо развит, он большой и сильный. Думаю, он почти готов появиться на свет.

Она снова приложила слуховую трубку к животу, закрыла глаза и прислушалась. Вот оно – рядом с тихим сердцебиением матери галопировал ровный и сильный пульс ребенка.

– Он правда в порядке? – спросила Лило.

– Да, – подтвердила Хульда, убирая слуховую трубку. – Его маленькое сердечко стучит образцово. У вас в животе послушный малыш, который знает, что от него требуется.

– Хотела бы я тоже это знать, – со слезами на глазах пробормотала Лило. – Но я понятия не имею! Мысль о родах приводит меня в ужас! По ночам я почти не сплю, потому что все время думаю о том, как это больно…

Хульде были хорошо знакомы страхи первородящих матерей.

– Со всеми так, – сказала она и бережно отвела волосы с лица взволнованной Лило. – Но как только роды начнутся, вы сразу поймете, что делать – тело само

подскажет. Вам останется лишь следовать этим подсказкам. Да и я буду рядом.

– Вы придете сразу, как я позову? – спросила Лило.

Хульда кивнула.

– Конечно. Отправьте на Винтерфельдтштрассе одного из соседских ребятишек, я сяду на велосипед и примчусь так быстро, что вы и пикнуть не успеете.

После этих слов девушка вспомнила о спущенном колесе. Нужно побыстрее с ним разобраться! Вздохнув, она подоткнула Лило одеяло и встала с кровати. Следует поспешить: сегодня ей предстояло навестить еще двух беременных. Они на меньшем сроке, чем Лило. Пешком на это уйдет гораздо больше времени, чем на велосипеде…

– О, вам уже пора? – спросила Лило, и в ее голосе промелькнуло разочарование. – Знаете, – добавила она, – мне ужасно скучно. Вольфи почти нет дома, а когда есть, то спит. Я все понимаю, но мне очень не хватает компании. Я не из тех, кто любит одиночество.

– А с соседками вы не ладите? – поинтересовалась Хульда и прикусила себе язык. Не следует наводить Лило на мысль о том, чтобы выйти в коридор – ведь тогда она увидит опечатанную дверь!

Лицо Лило просветлело.

– Госпожа Шенбрунн, живущая напротив, очень добра. Время от времени мы болтаем у нее на кухне или если встречаемся на улице. Но я давно ее не видела…

– Вам следует придерживаться постельного режима, – сказала Хульда, хотя обычно она советовала беременным совершать медленные прогулки и потихоньку что-нибудь делать, чтобы отвлечься. Но сейчас она чувствовала, что новости о соседке из квартиры напротив могут вызвать у Лило нежелательное волнение. – Выпейте чаю, немного почитайте. – Хульда кивком указала на комод, где возле кружки лежали два старых, потрепанных выпуска какого-то модного журнала. – Скоро компания у вас будет и день и ночь.

Про себя она подумала, что в компании новорожденных детей многие женщины чувствует себя такими же одинокими, как Лило, если не больше. Новоиспеченные отцы частенько не выдерживают заточения в квартире и детского плача по ночам – и сбегают, предпочитая проводить немногое свободное время в пабах, а не мерить шагами тесную квартиру, держа в руках кричащий сверток. Матерям, оставшимся один на один с тяжелой повседневностью, приходится без посторонней помощи справляться с малышом. Но сначала нужно вытащить этого малыша из перепуганной матери целым и невредимым. Ждать осталось недолго, Хульда видела это своим опытным взглядом.

– У вас еще не было выделений? – спросила Хульда, закрывая саквояж. Девушка с недоумением посмотрела на нее, и тогда Хульда добавила: – Вы не замечали на нижнем белье слизистых или, может быть, кровянистых выделений?

Лило покраснела и кивнула, опустив глаза.

Хульда мысленно вздохнула. Германская империя распалась, но после десятилетий ханжеского вильгельминизма женщины не могут воспринимать биологические процессы своего тела как нечто естественное. Отсюда и берутся страхи. Если женщине не позволено осознавать, что происходит с ее телом, то как ей осознать что-то столь ошеломляющее, как роды? Иногда Хульде хочется встряхнуть своих подопечных, попросить их открыть глаза и познать себя, воспринимая свое тело как союзника, а не как врага. Но Хульда знала: многие просто не поймут, что она имеет в виду.

Она терпеливо объяснила:

– Выделения говорят о том, что родовые пути открыты, а значит, роды не заставят себя долго ждать. Попросите мужа позаботиться о том, чтобы чистые полотенца были у вас в избытке.

Лило кивнула и помахала на прощание рукой. Хульда заметила, как обручальное кольцо врезается ей в мякоть пальца. Этой девушке не исполнилось и двадцати, а она уже завела семью. Хульда не столь молода, ей уже двадцать шесть и… Нет! Она, как всегда, решительно отогнала от себя эти мысли. Нет смысла думать о собственной бездетности. Хульда всегда запрещала себе даже малейший намек на грусть.

«Быть может, когда-нибудь…» – подумала она и решительно направилась к двери.

– Лило? – На пороге она обернулась. – Позовите за мной, как только вам что-нибудь понадобится.

Помахав на прощание, Хульда тихо прошла через кухню и темный коридор. Стоило выйти на лестничную клетку, как ее взгляд упал на опечатанную дверь квартиры напротив. На ум пришли слова Лило: «Но я давно ее не видела…» Что могло произойти?

Пожав плечами, Хульда спустилась по скрипучим ступенькам и торопливо прошла мимо шумной детворы, теснившейся между мусорными баками, и свободно бегающих по двору кур. Небо еще сильнее заволокло облаками. Следующая беременная, которую Хульда собиралась навестить, жила во Фриденау. Придется сесть на трамвай, чтобы успеть туда вовремя…

Глава 3

Понедельник, 29 мая 1922 года

Запах морга каждый раз пробирал Карла Норта до самых костей. Вообще-то Карл считал себя тертым калачом: ему довелось повидать мертвецов на всех стадиях разложения, он читал трупы как открытую книгу… Но это впитавшееся в стены тошнотворно-сладкое зловоние, которое резко било в нос, выводило его из равновесия.

Сегодня утром запах был особенно ужасным.

Карл угрюмо подумал, что предпочел бы держаться подальше от дела, которое предстоит расследовать. Оно вызывало у него страх, однако он старался не подавать вида. Подчеркнуто твердым шагом он подошел к столу для вскрытия и встал рядом с патологоанатомом. Фриц Габер невозмутимо жевал яблоко, рассматривая женский труп. Его лысина блестела в электрическом свете потолочной лампы. Из уголка рта стекала тоненькая струйка сока, и Карл на

мгновение отвел взгляд. Габер окинул его насмешливым взглядом.

– В чем дело, комиссар Норт? Неужто вам подурнело?

– Ни в коей мере, – отозвался Карл, пытаясь говорить как можно спокойнее. – Итак, что скажете?

Свободной рукой Габер толкнул тело, словно дружелюбно тыкая в бок хорошего знакомого.

– Перед нами дама в возрасте. И те три дня, которые она провела в воде, отнюдь не прибавили ей свежести.

Карл со смесью любопытства и отвращения осмотрел лицо и тело покойницы. Ее глаза были закрыты. Жидкие светлые волосы с серебристыми прядями торчали сосульками. Внешних повреждений видно не было – за исключением разве что небольших ссадин на животе и бедрах. В остальном женщина выглядела как типичная утопленница: вздутые руки и ноги, серовато-голубоватая кожа…

Габер схватился за ноготь на указательном пальце правой руки, и тот отвалился. Карла замутило. Он торопливо вытащил из кармана халата пачку «Юно», достал сигарету и закурил. Глубоко вдохнул и выдохнул. После нескольких затяжек перед глазами прояснилось.

– Как я уже сказал, покойница пробыла в канале несколько дней. Ее нашли игравшие на берегу детишки. Думаю, им долго будет не до веселья… – Патологоанатом указал на лицо трупа. – Вот, смотрите.

Карл неохотно склонился над мертвой женщиной, нос и рот которой облепили беловатые хлопья, похожие на засохшую пену. Карл поймал себя на том, что изучает ее лицо дольше необходимого.

Хабер проследил за его взглядом и кивнул, словно отвечая на незаданный вопрос.

– Совершенно верно. У нее шла пена изо рта.

Карл выпрямился и шагнул назад, надеясь, что патологоанатом не заметит его нервозности.

– Значит, женщина была жива, когда упала в воду?

Габер бросил сердцевину яблока в жестяное корыто.

– Причина смерти – утопление, это точно. Наверное, она не умела плавать. Вопрос в том, какого черта она отправилась купаться. Весной. В Ландвер-канал. Вода там двенадцать градусов.

– Самоубийство?

– Похоже на то. Бедняга была потаскушкой, так что жизнь у нее была не сахар.

– Откуда вам это известно?

Габер указал на стол у себя за спиной, где лежала одежда покойницы.

– На ней было блестящее платье и дешевые кружевные подвязки. Кроме того, я обнаружил вагинальные и анальные повреждения, некоторые совсем свежие.

Карл вздрогнул. На что только не идут эти бедные женщины… просто в голове не укладывается. Но он прослужил в полиции достаточно долго и знал, что для некоторых проституция – единственная возможность выжить. Но сейчас его особенно коробила мысль о том, что бедняжка пережила перед смертью.

– Рожавшая? – Он с силой потушил сигарету о жестяное корыто.

– Да. Скорее всего, не один раз.

– Значит, у нее должны быть родственники.

Габер снова кивнул.

– Это уже ваша работа, Норт, – сказал он. – Я бы поспрашивал о ней к югу от Кетенского моста. Скорее всего, покойница жила на Курфюрстенштрассе или в Бюловбогене. Вы наверняка хорошо знаете эти места.

Карл ошарашенно уставился на Габера. О чем это он?! В упомянутых местах процветали алкоголь, наркотики и проституция. После образования Большого Берлина там медленно, но верно расцветал квартал с увеселительными заведениями, грозящий составить конкуренцию Александерплац и Кройцбергу. Что патологоанатому известно?

Только потом Карл понял, где собака зарыта, и громко рассмеялся от облегчения.

– На секунду я подумал, что вы на что-то намекаете.

Габер многозначительно усмехнулся.

– Намекаю? Такому невинному агнцу, как вы? Упаси боже. Но вы, кажется, родом из тех мест?

– Не совсем. Я вырос не там, а неподалеку, – неопределенно ответил Карл, подумав о темных стенах детского дома, палках протестантских сестер и карцере в глубине подвала. Но он быстро выкинул образы из головы. Всю свою взрослую жизнь он только и делал, что подавлял эти воспоминания, стоило им возникнуть.

Твердо посмотрев на патологоанатома, Карл сказал:

– Имя погибшей нам уже известно. В полицию поступило сообщение об исчезновении женщины, некой Риты Шенбрунн. Она несколько дней не появлялась на работе. Мы уже побывали у нее в квартире.

– Неужели? – спросил Габер, даже не пытаясь изобразить интерес. Его, как обычно, заботили только следы, которые можно найти на теле покойника. Все остальное не имело для него значения.

Габер почти разочарованно добавил:

– Значит, в галерее ее фотография не появится.

Карл сказал, что нет, не появится. Патологоанатом говорил о галерее леденящих кровь снимков, что висели в полицейском управлении на Александерплац. В этом здании из красного кирпича посетители и полицейские каждый день проходили мимо фотографий, на которых были изображены неопознанные тела с отрубленными конечностями и головами, ожогами, огнестрельными ранами размером с кулак… Бесконечная вереница насилия.

Как можно небрежнее Карл спросил:

– Вы уверены, что эта женщина покончила с собой?

– Я уверен только в том, что она мертва, – ответил Габер. – Учитывая дела, творящиеся в округе, убийство нельзя исключать. Недовольный клиент, разозлившаяся соперница… Впрочем, эта бедняжка выглядит совсем измученной. Вряд ли она представляла угрозу для своих товарок.

С этими словами Габер сочувственно похлопал покойницу по ноге, а потом накрыл ее простыней.

– Время выпить кофеек, – сказал он и направился к выходу из морга.

Рассеянно кивнув, Карл проводил патологоанатома взглядом и снова посмотрел на простыню, под которой лежала мертвая женщина. Он не мог отвести от нее глаз, хотя больше всего на свете мечтал оказаться подальше отсюда. Мечтал передать это дело другому уставшему полицейскому, одному из своих коллег из отдела по расследованию убийств. Смерть Риты Шенбрунн задела его за живое, но он не мог придумать ни одной правдоподобной причины, чтобы отказаться от расследования.

На нехватку работы жаловаться не приходилось. С тех пор, как Карл поступил на службу в Главное полицейское управление Берлина, не проходило и дня, чтобы они с коллегами не носились по городу, как загнанные псы, подгоняемые своим начальником, дородным Эрнстом Геннатом. Глава уголовной полиции поставил перед собой задачу навести в управлении порядок, он славился своим быстрым умом и фанатичной преданностью делу, чего требовал и от своих

подчиненных.

– Вы небось возомнили себя Фуше, – ворчал он с зажатой в зубах дымящейся сигарой, которую коллеги Карла насмешливо называли «вечным огнем». – Но Фуше никогда не работал спустя рукава, помните об этом!

Карл отнюдь не мнил себя министром наполеоновской полиции Жозефом Фуше. Он стал комиссаром уголовной полиции скорее случайно, нежели по ведению сердца. Такой путь избирали многие талантливые юноши, у которых не было средств, чтобы получить ученую степень и, следовательно, построить академическую карьеру. В основном это были сыновья офицеров, имевшие старших братьев, на образование которых уже ушла большая часть семейных сбережений. Карл не входил в их число, но показал себя юношей со светлой головой, и благодаря пожертвованию богатого покровителя приют предоставил ему стипендию. После окончания гимназии он поступил на службу в прусскую полицию, затем сдал экзамен на помощника комиссара по уголовным делам и наконец был назначен комиссаром. Карл знал: он должен радоваться тому, что столько добился. Он, незаконнорожденный сирота, и, следовательно, ублюдок, вел жизнь добропорядочного бюргера, занимал почетную должность, работал на порядочной работе, к которой, по словам окружающих, у него был талант. Даже Геннат иногда одобрительно ворчал, когда Карл с коллегами раскрывали очередное сложное дело.

Но временами работа бывала ему противна.

В такие минуты он жалел, что не стал бухгалтером, банковским служащим или военным – хотя в этом случае ему пришлось бы надеяться, что в ближайшее время войн больше не будет. Прежде Карлу повезло: его призвали только в последние недели Великой войны, и в боевых действиях он почти не участвовал – в отличие от большей части мужского населения. Через три года после окончания войны госпитали все еще переполнены инвалидами с изуродованными телами и неузнаваемыми лицами. По крайней мере, внешних шрамов у Карла не было. Но зато были внутренние, с горечью подумал он и в очередной раз прогнал из головы мысли о карцере, в котором его однажды заперли и заставили часами стоять на коленях, пока он не раскается. Карл так и не понял, в чем должен был раскаяться и почему его наказание было столь суровым.

Собравшись с силами, он снял одолженный халат, небрежно повесил его на крючок у двери и вышел. Некогда королевский морг располагался в центре города, на Ганновершештрассе, а Карл собирался вернуться в полицейское управление на Александерплац и проверить улики – нельзя допускать ошибок, расследование должно идти по всем правилам. Потом можно будет подумать об обеденном перерыве.

В управлении Карл встретил Пауля Фабрициуса, своего помощника. Полноватый молодой человек с лысеющим лбом, получивший из-за своей непоседливости прозвище Пуля, сидел на столе и любезничал с машинисткой, которая, хихикая, прижимала к груди папку с документами. При виде начальника Фабрициус поспешно соскользнул со стола и посмотрел на него со смесью вины и торжества. Карл не обратил на это внимания. Он считал заигрывания с противоположным полом пустой тратой времени, хотя не уставал удивляться тому, как его помощник вопреки посредственной внешности умудрялся очаровать всех вокруг – как мужчин, так и женщин. Фабрициус был таким еще тогда, когда окончил полицейскую академию и попал под его командование. Карл не мог с уверенностью сказать, что этот молодой человек ему нравится. Да, Фабрициус был веселым, сообразительным и трудолюбивым, но что-то в нем вызывало у Карла ощущение, что ему нельзя слепо доверять. Он был ужасно нетерпелив, и, казалось, ничто не могло укрыться от взгляда его сверкающих глаз.

Карл открыл Фабрициусу все тайны сыскного дела, хотя тайну неотразимости Фабрициуса ему разгадать не удалось. «Возможно, все дело в ауре уверенности, которую он излучает», – мрачно подумал Карл. Такая аура свойственна юношам, которые росли богатыми, защищенными и привилегированными, чья жизнь не состояла из череды неудач и подачек, а сопровождалась ощущением надежности, вызванным наличием выбора. Фабрициусу не пришлось ждать милости благодетелей, чтобы добиться успеха, весь мир был у его ног. Включая женщин.

– Новости есть? – спросил Карл.

Фабрициус печально покачал головой и откусил кусок от сырной булочки. У него на лбу залегли три аккуратные морщинки.

– Похоже, никто ничего не слышал и не видел.

«Хорошо, – подумал Карл, – очень хорошо. Это дело быстро передадут в архив».

Позавчера они с Фабрициусом осматривали квартиру погибшей. Там не было ничего необычного – за исключением, конечно, одной детали, которую подметил только Карл. Скоро следы затеряются, дело закроют… Однако Карл не знал, правда ли этого хочет. Закрывать ли глаза на подозрение, которое преследовало настойчиво и нагло, как бродячая шавка, иль рыть носом землю, пока не доберется до правды? «Что хуже, – размышлял он, пожевывая ноготь большого пальца, – остаться слепым или заглянуть в “уродливое лицо зла”?»

Приехав два дня назад в Бюловбоген, Карл не смог подавить дрожи. Небо было затянуто, облака рваными клочьями ползли над серыми крышами. Дом выглядел неприглядно: закоптелые стены, во дворе – горы мусора. Повсюду валялись разбитые бутылки. Посреди этого безобразия сидели маленькие детишки, словно лучше игровой площадки было не сыскать. Карл со своим помощником быстрым шагом прошли в последний подъезд.

Карл провел бесчисленное количество обысков в беднейших районах Берлина, поэтому смесь запахов, обрушившаяся на него в мрачном подъезде, была ему хорошо знакома: экскременты, готовящаяся еда и гниение. Слишком мало места, слишком много людей, которые не могут толком ни помыться, ни высушить белье.

Если бы Карлу повезло чуть меньше, то на месте любого из этих людей мог оказаться он. Он с отвращением посмотрел на Фабрициуса. Тот, конечно, никогда не жил в подобных условиях.

Кастелянша на первом этаже с грохотом протянула им запасной ключ от квартиры госпожи Шенбрунн и замогильным голосом произнесла:

– Было ясно, что Рита плохо кончит. Вообще раньше она была при деньгах, но потом началась война, и все пошло под откос. А как она прикладывалась к бутылке!

Карл решил допросить кастеляншу позже. В первую очередь он хотел осмотреть жилище покойной.

Полицейские торопливо взбежали по лестнице и постучали в дверь. Когда никто не отозвался, они отворили дверь ключом и вошли. В квартире была всего одна комната, которая служила кухней, гостиной и спальней одновременно. Кроме нее нашлась каморка, где лежали скудные припасы еды и кое-какая одежда. На стенах не висело ни одной картины. «До чего здесь чисто, – удивился про себя Карл. По-видимому, хозяйка в меру своих скромных возможностей старалась поддерживать в квартире порядок.

– Странно, правда? – спросил Фабрициус, указывая на голые стены, на пустую кухонную столешницу и аккуратно сложенное шерстяное одеяло, лежащее на скамье. – Никаких следов жизни. – Он вытер со лба пот.

Карл кивнул и медленно прошелся по комнате. Он по опыту знал, что первое впечатление имеет большое значение. Он всегда старался делать выводы о характере человека на основании того, о чем говорит его жилище. Но эта квартира молчала. Можно подумать, здесь обитал призрак, который, не оставляя следов, скользил по немногочисленным предметам мебели. На маленьком кухонном столике стояла корзинка с лоскутным бельем и вязальными спицами. В коробке на плите лежал заплесневелый кусочек хлеба.

– Шеф? – позвал из каморки Фабрициус, который рылся в вещах. Он высунул голову из низкой двери и протянул Карлу тетрадь. Потертая обложка, потрепанные уголки… – Похоже на дневник.

С этими словами Фабрициус вернулся в комнату и принялся осматривать банки и бутылки, стоявшие на низкой деревянной полке.

Карл взвесил тетрадь в руке и пролистал несколько страниц. Детским почерком его владелица делала краткие записи со времен войны.

Он быстро перелистнул страницы. Самой последней записи, датированной мартом двадцать второго, было больше года. Заканчивалась она следующими словами: «Теперь и этому конец, а значит, из-за меня больше никто не пострадает».

Карл собирался сунуть тетрадь в карман, но она выскользнула у него из рук. На пол вылетел сложенный листок, которого он не заметил раньше. Карл поднял его и развернул. Бумага была тонкой и потертой от времени. Перед ним

оказалось письмо с подтверждением об оплате.

Глаза Карла заметались по строчкам, а веки беспокойно затрепетали. Рядом с суммой и неразборчивой подписью стояла дата, которую он знал слишком хорошо. У него в руках находилось письмо из Дома милосердия. Невозможно… Карл почувствовал, что с его сердцем что-то не так: оно словно остановилось, а потом забилось с удвоенной силой. Кровь ударила в голову и оглушительно застучала в висках. Пока Фабрициус ничего не заметил, Карл торопливо спрятал письмо между страницами и засунул тетрадь под пальто.

Буквально через несколько секунд подошел Фабрициус, в руках он держал маленькую коробочку с личными вещами проживавшей здесь женщины – мылом, поясом, перьевой ручкой…

– Пойдем, – коротко сказал Карл.

– Разве не надо опросить соседей? Вдруг один из них что-нибудь слышал? – спросил Фабрициус, слегка нахмурившись.

Карл отмахнулся.

– Успеется. Давайте доставим эти вещи в управление, а потом пообедаем. Я вас приглашаю. Мне необходима тарелка горохового супа.

Лицо его помощника просветлело.

– Пообедаем? В «Ашингере»? – уточнил он и послушно затрусил к дверям.

Карл кивнул в пустоту. В этой популярной закусочной на Александерплац за небольшие деньги подавали вкусную горячую еду. Пуля обычно съедал там две порции.

Карл захлопнул дверь и, запирая, подумал, что согласился бы отобедать даже на Марсе, лишь бы поскорее выбраться отсюда. Ему нужно было собраться с мыслями.

Глава 4

Выдержки из дневника

Психиатрическая лечебница Далльдорфа, Берлин

27 октября 1912 года

Все уже заснули, одна лишь я продолжаю бодрствовать. Сизая тьма превратилась в черную, на бумагу падают желтые лучики от лампы. Все это мне будто снится.

Днем я хожу по двору, словно сомнамбула. Неужели это правда происходит со мной? Я работаю здесь уже два месяца, но мне до сих пор не верится. Я словно наяву слышу голос старшей медсестры, когда та отвела меня в сторонку и сказала: «В Далльдорфе нужна сиделка. Я предложила вашу кандидатуру». Никогда бы не подумала, что она за меня поручится. Старшая медсестра всегда была со мной очень строга, я бы даже сказала, сурова, как будто знала о моем прошлом. Как будто подозревала, что я – падшая женщина. Но, быть может, со временем ее подкупили моя преданность делу и твердое намерение работать лучше остальных учениц медицинского училища – незамужних девушек намного младше меня, чьи жизни только начиналась. «В Далльдорфе придется трудиться на совесть, не боясь сложных пациентов и грязной работы. Цыпляточки с таким не справятся», – сказала старшая медсестра, и только тогда я поняла, что она видит во мне ровню, а остальных студенток считает детьми.

Я тотчас же согласилась.

Поначалу Конрад переживал из-за насилия, которое якобы здесь царит, из-за заключенных, которых переводят сюда из тюрем и исправительных учреждений. Не все сидят взаперти, некоторым разрешено свободно передвигаться по двору и мастерской. Отгороженный стеной корпус № 5 с решетками на окнах предназначен только для тех, кто опасен для себя и окружающих. «Я туда не пойду», – уверяла я Конрада, пока он не успокоился. В пятом корпусе работают только медбратья, их сопровождает охрана.

Мы с Конрадом сходимся в одном: нам нужны деньги. Мы хотим отправить Хильду в школу. Малышке всего четыре, но она растет как на дрожжах, чулки быстро становятся ей коротки, да и аппетит у нее как у мальчика. Нам не прожить на деньги, которые Конрад зарабатывает починкой обуви. Люди говорят, что я неудачно вышла замуж, но я считаю, что мне очень повезло – особенно учитывая обстоятельства. Конрад стал счастливым билетом в жизненной лотерее, в которой мне прежде не везло. Он хороший человек. Гордый. Но на гордыню хлеба не купишь. А времена сейчас тяжелые.

Лечебница очень современная: помимо десяти больничных корпусов здесь есть кухня, административное здание, машинный цех, прачечная, большой сад и мастерские, где работают заключенные. С территорией граничит поле со скотным двором и местом для сточных вод. Еще у нас есть исправительный дом и муниципальный приют для женщин.

Директор Зандер решил, что физически здоровых пациентов полезно привлекать к труду, поэтому они работают по хозяйству. Только непривычные звуки, хрюканье, крики и плач, звучащие из некоторых корпусов, говорят о том, что мы находимся в лечебнице для душевнобольных. Иногда здешний шум напоминает зоопарк.

Но я никогда еще не была так счастлива.

Женщин и мужчин размещают в разных корпусах. Душевнобольные живут отдельно от тех, кто страдает идиотизмом и эпилепсией. Повсюду царит порядок, радующий глаз. Работа здесь тяжелая, но она приносит мне удовлетворение. Без ложной скромности скажу, что хорошо справляюсь. Пациенты похожи на животных: стоит узнать их особенности, как взаимодействие с ними становится предсказуемым. Иногда у кого-нибудь случаются вспышки насилия, тогда приходится вызывать санитаров и вводить успокоительное, при необходимости – использовать смирительную рубашку, пусть даже директору это не по нраву.

Его кредо «принуждение – это крайняя мера», он хочет, чтобы медсестры относились к пациентам ласково, что, конечно, не всегда возможно, если у пациента запущенная деменция и они наносят вред себе или окружающим.

«Ты не боишься сумасшедших?» – спросила вчера малышка Хильда, и я с улыбкой покачала головой. Далльдорф – это отдельный мирок, и мне здесь нравится. Когда поезд прибывает на станцию и я, одетая в свою потрепанную одежду, прохожу через ворота, вхожу в главный корпус и достаю из шкафчика форму медсестры, со мной происходит чудесное преображение. Переодевшись, я превращаюсь в другого человека. Я больше не Маргарита Шенбрунн, не падшая девушка, которую милостиво согласились взять замуж и которая с комом в горле вспоминает прошлое. Теперь я – Рита, расторопная и всегда улыбающаяся медсестра, при виде которой даже слюнявое, дергающееся лицо Эгона, нашего самого тяжелого пациента, искривляется в радостной улыбке. Мое место в Далльдорфе. Кажется, будто мне было суждено здесь работать. Находящаяся посреди цветущих полей лечебница стала для меня домом, о котором я грезила всю свою жизнь.

Я не забираю этот дневник домой к малышке Хильде и Конраду. Нет, я храню его в своем шкафчике. Это часть моей здешней жизни. Часть меня.

Глава 5

Среда, 31 мая 1922 года

Хульда со стоном натянула до подбородка одеяло, казавшееся свинцово тяжелым. За окном мансарды стояла влажная чернота, но на стенах уже угадывались очертания тоненькой полоски света. Хульда зажмурилась и снова провалилась в сон.

Кружащиеся огоньки и красный бархат. Высокий потолок, на котором сверкающий хрустальный шар разбрызгивает гоняющиеся друг за другом точки. Ритмичная джазовая музыка, плавный голос смуглой певицы, люди вокруг громко топают, кружась в танце. Поворачиваясь, они каждый раз задевают друг друга руками, плечами и бедрами, и Хульда, которая обычно предпочитает держаться подальше от толпы, наслаждается ощущением того, что является ее частью. Сладкое шампанское стекает по губам, незнакомец прижимается к ним в поцелуе и растворяется в толпе, прежде чем Хульда успевает разглядеть его лицо. Женщина в коротком серебристом платье машет ей рукой и увлекает в темный уголок, где на маленьком столике лежат две белые дорожки, похожие

на тонкие паучьи лапки. Женщина знает: Хульда хорошо платит. Хульда склоняется над столом, она смеется, у нее в голове взрываются звезды и луна, мир проясняется и все вокруг кажется несказанно прекрасным.

Затем немеют губы, немеют руки, но Хульда знает: это пройдет и останутся только легкость и беззаботность, чего она так жаждет. Кто-то утягивает ее обратно в толпу, ритм которой становится ее пульсом. Она танцует, чувствуя, как превращается в шампанское и заливает все вокруг. Она растекается и больше не знает усталости…

Раздался стук в дверь, и сон оборвался. Хульда неохотно приоткрыла слипшиеся глаза и посмотрела на стоявшие на комоде часы. Нет и пяти утра. Она проспала всего два часа.

Снова постучали, на этот раз настойчивее. Хульда села в постели и крикнула:

– Иду, иду!..

Она свесила ноги с края кровати и схватилась за виски. Головная боль была просто убийственной, но Хульда заставила себя встать и потянулась за халатом, висевшим на крючке. На ходу надела его и приоткрыла дверь. Из темного коридора на нее смотрело детское личико с огромными глазищами.

– Чего тебе? – спросила Хульда у девочки.

– У Шмидта с Бюловштрассе жена рожает, – прошептала она. – Мне велели сходить за вами.

Малышка с любопытством заглянула мимо Хульды в комнату. По сравнению с грязными каморками многоквартирных домов на Бюловштрассе этот простой, но безупречно чистый дом, наверное, казался ей дворцом.

– Ничего себе! – Хульда протерла глаза. – Уже? Я думала, роды начнутся только через несколько дней.

Она на мгновение задумалась, пытаясь собраться с мыслями.

– Я скоро буду. – К счастью, вчера Хульда починила велосипед и сможет быстро приехать к Лило. – Передай госпоже Шмидт, чтобы не волновалась! – крикнула она вслед девчушке, которая уже сбегала вниз по лестнице, и мысленно добавила: «Не шуми ты так, ради всего святого!» Меньше всего ей хотелось сейчас ссориться с госпожой Вундерлих.

После того, как шаги девочки стихли, Хульда еще несколько секунд вслушивалась в звуки дома, потом направилась к умывальнику, торопливо поплескала себе водой в лицо, прошлась расческой по непослушным волосам и высморкалась. Нос словно огнем обожгло, и Хульда себя отругала: разве в прошлый раз она не поклялась, что никогда больше не притронется к этой белой дряни?

Вздохнув, Хульда натянула юбку с блузкой, которые со вчерашнего дня висели на стуле, и надела на голову чепчик, который раздражал ее, но вызывал у рожениц ощущение, что они в надежных руках. Хульда знала, что во время родов вера может творить чудеса. Она приколола чепчик к волосам двумя заколками-невидимками. Тем временем на маленькой газовой плите уже закипала вода для кофе. Хульда решила, что перед выходом выпьет не меньше двух чашек, и заварила так называемый «народный кофе» – то есть просто залила кипятком кружку с молотым кофе. Потом заглянула в хлебницу в поисках хоть какой-нибудь еды.

Вскоре Хульда крадучись спустилась по лестнице, зажимая под мышкой акушерский саквояж, и запрыгнула на велосипед. Прохладный с ночи воздух ласкал ноги, как голодная кошка, выпрашивающая еду. Хульда лихо крутила педали, и ветер приятно обдувал лицо. Она чувствовала, как начинает действовать кофе и в ней пробуждается боевой дух. Она твердо решила, что больше не вернется в «Белую мышь» на Фридрихштадте. Вчера был последний раз. Хульда даже не помнила, как добралась ночью домой. Качнувшись на велосипеде, она пощупала карман пальто и поняла: денег там больше нет. Хульда выругалась. Видимо, она спустила последнюю пятерку на таксомотор.

На Потсдамерштрассе не было ни души. Даже женщины, которые продавали себя прохожим, куда-то подевались. Хульда подумала, что этот час перед рассветом – единственное время, когда Берлин по-настоящему спит.

Вот усталая старушка моет пол в какой-то забегаловке, стулья там стоят на столах вверх ногами. Вот собака, поскуливая, скрывается за углом дома. Хульда ехала и моргала, пытаясь разогнать туман, все еще клочьями стоявший у нее в голове. Нельзя больше прикасаться к этому дьявольскому порошку! Но он чудесным образом помогает забыть все заботы и невзгоды и дарит несколько часов чудесной легкости… И вот к чему это привело! Ребенок Лило решил родиться именно в этот короткий промежуток перед рассветом, и какую бы усталость Хульда ни чувствовала, ей придется сделать все возможное, что чтобы роды были легкими.

«Надеюсь, все пройдет хорошо», – подумала Хульда, прислонив велосипед к стене дома на заднем дворе Бюловштрассе. При малейшем осложнении она обязана вызвать врача. Сегодня среда, со вздохом напомнила себе Хульда, а по средам дежурит доктор Шнайдер. У него гинекологическая практика на Ландсхутерштрассе, и он из тех, кто считает, что акушерки ничем не отличаются от повитух и знахарок и представляют для рожениц опасность. Хульда должна была подчиняться врачу, поскольку в отличие от него не имела высшего медицинского образования и, соответственно, права пользоваться такими инструментами, как, скажем, акушерские щипцы. Однако Хульда предпочитала действовать под свою ответственность и не спешила посылать за врачом. Поэтому они с доктором Шнайдером частенько ссорились: тот обвинял ее в медицинских ошибках и необоснованной самоуверенности. «Если допущу оплошность, – сказала себе Хульда, стиснув зубы, – то потеряю лицензию». Поднимаясь по темной лестнице и слыша крики боли, доносившиеся из квартиры Шмидтов, Хульда была вынуждена признать, что сегодня она не в лучшей форме. Но Лило рассчитывает на нее, и Хульда не может бросить девушку на произвол судьбы. Та будет смущена и разбита появлением незнакомой акушерки и уж тем более – врача.

Дверь была приоткрыта: ее ждали.

– Лило? – позвала Хульда, торопливо входя в квартиру.

– Госпожа Хульда… – раздался слабый голос из спальни. На кровати с несчастным видом и слезами на глазах лежала Лило. Сонный Вольфганг, сидевший рядом, беспомощно держал ее за руку. При виде Хульды у него на лице отразилось облегчение.

– Госпожа Хульда! Слава богу, вы пришли, – сказал он, вставая с краешка кровати. – Я вернулся с работы час назад и нашел свою Лило вот такой! Тогда я быстро разбудил соседскую дочку и послал ее за вами. – Он посмотрел на Хульду и добавил: – При всем уважении выглядите вы не очень.

Хульда отмахнулась от него.

– Просто немного устала. Ничего страшного. – Она села рядом с Лило на смятые простыни. – Ну, дорогая моя, как вы?

Лило взвизгнула, а потом захныкала:

– Снова началось!

Хульда поняла, что у нее схватки, и крепко схватила Лило за плечи.

– Дышите, девочка моя, дышите как можно глубже и попытайтесь расслабиться.

Лило храбро фыркнула и закусила губу, корчась от боли. Потом с облегчением вздохнула и откинулась на подушки.

– Не думаю, что смогу, – прошептала она.

Хульда улыбнулась:

– Все вы сможете. И знаете почему? Потому что должны. Обещаю, уже скоро вы будете баюкать свое маленькое сокровище. – Она оглядела скудно обставленную комнату, и ее взгляд упал на ярко-белую вязаную шапочку. Хульда схватила ее и вложила Лило в руки.

– Во время следующего приступа схваток подумайте о том, что ваш ребенок все ближе и что скоро вы сможете надеть на него эту прекрасную шапочку.

Лило робко улыбнулась и кивнула. Она безостановочно теребила ткань в своих мягких, детских пальчиках, словно предвкушая, как наденет ее на головку ребенка.

Хульда довольно выпрямилась.

– Вольфганг, послушайте: нам нужны чистые полотенца и много горячей воды. Не могли бы вы поставить чайник и принести своей жене что-нибудь поесть? Бутерброд, например? И крепкий чай. Сахар туда насыпьте, да побольше!

– Сахар? – переспросил мужчина и вытаращился на Хульду так, словно она велела добавить в чай золотой песок. Мысленно вздохнув, Хульда открыла свой большой кожаный саквояж и достала оттуда несколько пакетиков сахара, которые тайком прихватывала из кафе «Винтер» специально для таких случаев.

– Держите, – она протянула ему пакетики. – И поторопитесь. Принесите все необходимое – и можете нас оставить. Но, пожалуйста, не уходите слишком далеко. Вы можете понадобиться в любой момент.

«К счастью, пивные еще закрыты, а значит, туда Вольфганг сбежать не сможет», – подумала Хульда.

– И еще кое-что, – добавила она, с тревогой наблюдая, как из-за очередной схватки лицо Лило исказила гримаса. – Где находится ближайший телефон?

– У кастелянши, госпожи Козловски, есть телефон. Она живет внизу, – ответил Вольфганг. – Кому позвонить?

– Пока никому, это я на всякий случай спросила, – сказала Хульда и выгнала его из комнаты, словно муху. Потом повернулась к Лило, которая вцепилась в шапочку, как утопающий – в спасательный круг.

– Дышите, спокойно и медленно, – велела Хульда и обняла Лило за плечи, пережидая очередной приступ схваток. Она знала: будет еще хуже, больнее, но вслух сказала только: – Вы прекрасно справляетесь.

Осмотрев девушку во время перерыва между схватками, Хульда с удивлением обнаружила, что роды уже в самом разгаре. Лило казалась перепуганной и беспомощной, но тело ее само проталкивало ребенка по родовым путям. Хульда подумала, что все происходит слишком быстро: если роженица не поспевает за темпом своего тела, то это может привести к травме. Поэтому она заставила

себя успокоиться и сказала Лило, чтобы та не тужилась и дышала размеренно.

Через некоторое время Вольфганг принес долгожданный завтрак, и после того, как Хульда влила в Лило немного сладкого чая и уговорила проглотить несколько кусочков от бутерброда, та немного успокоилась. Она даже встала и медленно прошлась по маленькой комнатушке, сделав несколько шагов сначала в одну сторону, потом в другую. Снова начались схватки, и Лило вцепилась в спинку кровати, чтобы не упасть.

По учащающимся жалобным всхлипываниям, исходившим из горла Лило, Хульда поняла: роды переходят в заключительную стадию.

– Вы просто умница, Лило, у вас отлично получается, – похвалила она. Она не переставала удивляться тому, что во время родов женщины ведут себя совсем иначе, нежели можно было ожидать. В решающий момент эта хрупкая девушка, последние несколько недель жившая в постоянном страхе, собрала волю в кулак. Ее маленькое тело корчилось от частых схваток, она напряглась и интуитивно покрутила бедрами, чтобы помочь ребенку продвинуться вниз.

Испугавшись диких криков, побледневший как полотно Вольфганг дважды заглядывал в комнату, но Хульда оба раза отсылала его прочь. Наверное, для незнающего человека родовые крики звучат как предсмертная агония, но Хульда знала, что все идет своим чередом. Она то и дело осторожно ощупывала ребенка и проверяла слуховой трубкой биение его сердца, с удовлетворением отмечая ровный стук.

Когда она наконец нащупала головку ребенка, то сказала:

– Так, девочка моя, осталось совсем чуть-чуть. Побудьте храброй еще немножко, совсем-совсем немножко. Соберите остатки сил. Сейчас вы можете вытолкнуть ребенка, но тужьтесь только по моей команде. Слышите?

Лило кивнула. Глаза ее остекленели, щеки лихорадочно пылали. Она по-прежнему стояла, опираясь на спинку кровати и, казалось, находилась в каком-то трансе. Хульда по своему опыту знала, что такое часто бывает перед окончанием родов, когда женщины чувствуют, что должны полностью отдаться боли. Даже если для этого требуется безграничная отвага. Поэтому Хульда не удивилась, когда со следующими схватками появилась сначала головка ребенка,

а потом вместе с потоком околоплодных вод выскользнул и он весь.

Хульда заранее расстелила на полу газеты и полотенца. Она поймала ребенка и тут же завернула маленькое тельце в чистую ткань. Младенец завопил, и Хульда довольно рассмеялась. Мать и дитя все еще были связаны пуповиной. Хульда осторожно подтолкнула тяжело дышащую Лило к кровати, уложила и передала ей в руки теплый сверток. А потом наступил момент, которого Хульда всегда ждала больше всего и больше всего боялась: измученное лицо Лило засияло, она ощупывала ребенка глазами, всматриваясь в крохотное красное личико так жадно, будто никогда не отведет взгляд. Хульда оказалась забыта. Она – всего лишь статистка в этой веселой пьесе под названием «жизнь». Для матери с ребенком в эту секунду началась новая эра, их связали узы столь нерушимые, что ничто не сможет между ними встать. Каждый раз при этой мысли Хульду охватывала смесь зависти и печали.

Сегодня, как и всегда, она подавила свои чувства, с головой погрузившись в дела. Пережала и перерезала пуповину. Отняла у матери младенца и тщательно осмотрела, проверяя дыхание, кровообращение и мышечное напряжение. Пересчитала пальцы на руках и ногах, протерла тельце влажным полотенцем и только потом вернула малыша Лило. Теперь о нем позаботится мать.

Появился послед, Хульда поняла это по лицу Лило, которое исказилось от боли и удивления. Она осмотрела оболочку плода, которая больше была не нужна, и с облегчением поняла, что она цела. Трудностей не возникло, роды прошли образцово, как по учебнику!

Только после этого Хульда поздравила Лило с новорожденным. Таков был обычай. Послед – часть беременности, и только с его отторжением роды считаются законченными.

Хульда остановила кровотечение, поправила одежду Лило и плотно укрыла ее одеялом.

– Не хотите познакомить малыша с отцом?

Лило улыбнулась и кивнула. Ее глаза сияли извечной гордостью, гордостью женщины, совершившей великий подвиг.

– Вольфганг? – позвала Хульда.

Вольфганг тотчас подлетел к двери и, затаив дыхание, вошел в комнату. Зачарованно подошел к кровати и сел на краешек так осторожно, словно боялся спугнуть дикого зверя. Неуклюже погладил жену по волосам и робко коснулся пальцем крошечной щечки своего ребенка.

– Мальчик или девочка? – спросил он.

Лило удивленно уставилась на него, а потом рассмеялась.

– Даже не знаю! – сказала она и с любопытством взглянула на Хульду. – Забыла спросить.

Хульда улыбнулась.

– Мальчик, – сказала она. – Совершенно здоровый малыш.

Она пошла на кухню, чтобы дать молодым родителям побыть наедине со своим сыном. Прополоскала окровавленные тряпки и полотенца, заварила себе цикорий, отвратительный порошковый кофезаменитель, и принялась пить его маленькими глотками, чувствуя, как горячий отвар прогоняет охватившую ее меланхолию. Она отругала себя. Глупо горевать из-за того, что она, возможно, даже не хочет. После рождения ребенка Хульде пришлось бы бросить работу и засесть дома, как те женщины, у которых она приняла роды и чья жизнь с тех пор прекратилась в замкнутый круг, состоящий из нескончаемой уборки, готовки, ругани и плача. Все вертится вокруг ребенка и страха его потерять – из-за голода, болезни, несчастного случая. Горами скапливается грязное белье, с которыми без отжимной машины уже не справиться. Еды становится меньше, как и сна. Но в этом несчастье есть и смех, и радость, которую приносит малыш, его успехи, поцелуи и ласки.

Но Хульда сомневалась, что эти чувства компенсируют потерю свободы. Кроме того, она даже не знала, кто бы мог стать отцом ее потенциального ребенка. Феликс? Что ж, Хульда успешно поставила крест на этой возможности – раз и навсегда.

Фыркнув, она вытерла глаза тыльной стороной ладони. Потом решительно выжала мокрые полотенца и развесила их на веревке, протянутой через кухню.

Закончив, подошла к окну. На улице уже рассвело, и солнце ровными пятнами ложилось на стену противоположного дома, с которого местами отвалилась штукатурка. Окно было приоткрыто, и до кухни, которая сейчас казалась почти уютной, доносились протяжные крики голубя.

Через некоторое время Хульда тихонько вернулась в спальню. За время ее отсутствия Лило и Вольфганг не сдвинулись с места, оба в полнейшем молчании смотрели на своего ребенка и восторженно улыбались.

Хульда присоединилась к ним.

– Ребенка следует покормить грудью, – сказала она тихо, но твердо, и помогла Лило. – Вот так, смотрите.

К ее облегчению, малыш сразу понял, что делать, и принялся самозабвенно сосать грудь.

Вольфганг смутился наготы своей жены и, неразборчиво извинившись, вышел из комнаты.

– Вы уже выбрали имя для малыша? – спросила Хульда. Она прибиралась, то и дело проверяя, ест ли младенец.

– Я подумываю назвать его Конрад, – ответила Лило. – Вообще-то мы должны были назвать сына в честь отца Вольфганга, такая у них семейная традиция… Отца Вольфганга звали Эрнстом. Такое холодное и, как мне кажется, строгое имя… Он тоже был строгим, я всегда его боялась. – Лило задумчиво погладила крошечные пальчики сына. – Знаете, мужа моей соседки напротив звали Конрад. Говорят, он был замечательным человеком, веселым и добродушным. Мне нравится это имя. Вольфгангу тоже.

– Конрад. Замечательное имя, – сказала Хульда, как говорила всегда, независимо от того, что думала на самом деле. Но это имя ей действительно понравилось.

Потом она увидела, как по щеке Лило скатилась слезинка.

– Что случилось? – поинтересовалась она. Роды – большой стресс для организма, последствия которого бывают непредсказуемы. Но Лило, похоже, плакала не от облегчения.

– Рита погибла, – всхлипнув, пробормотала Лило, ласково погладила мягкий пух на голове своего сына и схватила белую шапочку, которая лежала на кровати. – Госпожа Козловски сказала Вулфи, что приходили полицейские. Он ничего не хотел мне говорить, чтобы не расстраивать, но я вытянула из него правду.

– Погибла?

– Утонула в канале. Ее нашли неподалеку от Кетенского моста. Какой кошмар! – Лило зарыдала во весь голос.

– Это очень печально, – сказала Хульда, про себя думая, что Рита – не первая отчаявшаяся женщина, прыгнувшая в канал, чтобы спастись от страданий. После войны многие бедные души просто не видели другого выхода. – Я сочувствую вашей утрате.

– Все говорят, что Рита покончила с собой. Но это не так, – сказал Лило и высморкалась в одеяло. – Рита была сильной! Она потеряла все: семью, работу… Но она не позволила этому сломить себя. И теперь, когда у меня должен был появиться малыш… – Лило снова всхлипнула. – Она так ждала его. «Ребенок – это настоящее чудо», – говорила она.

Хульда внимательно слушала и думала, что никто не может знать, что происходит у другого человека на душе. Даже те люди, которые кажутся сильными, могут находиться на грани отчаяния.

Перед глазами встало перекошенное лицо матери, и Хульда вспомнила, как та плакала и кричала, сжимая в руке маленькую коричневатую ампулу – одну из тех, что властвовали над ее жизнью. По ночам Хульда слышала, как завывания матери эхом отражаются от стен пустой квартиры. Горе пожирает людей, как невидимая гниль. У Хульды похолодели руки.

– Лило, – сказала она, не зная, кого пытается убедить, молодую мать или себя, – вы должны быть сильной ради своего сына. Ему нужна счастливая и здоровая мама. То, что случилось с вашей соседкой, ужасно. Но пообещайте мне, что постараетесь не слишком переживать.

Лило неохотно кивнула и посмотрела на младенца, с приоткрытым ртом спящего у нее на груди.

– Он такой милый, – мягко сказала она, целуя его в лоб.

– Конрад – славный малыш, – согласилась Хульда.

Лило посмотрела на нее затуманенным взором.

– Можете выяснить, что случилось с Ритой? – взмолилась она. – Очень вас прошу! Мне пока нельзя выходить, а Вольфи, знаете ли, не мастак разговаривать с людьми. Его так легко надуть! Но я должна, просто обязана знать, что произошло! Иначе эти размышления меня с ума сведут!

Хульда глубоко вздохнула.

– Хорошо, – сказала она. – Я поговорю с вашей госпожой Козловски, может, она что-нибудь знает. А вы отдохните. Постарайтесь думать о чем-нибудь приятном, договорились?

Лило послушно кивнула и вытерла с лица слезы.

– Договорились. Спасибо, госпожа Хульда.

Чтобы отвлечь свежеиспеченную мать от мрачных мыслей, Хульда объяснила, как менять повязки, чтобы кровотечение остановилось побыстрее, и сказала, что как только малыш проснется, его нужно будет одеть во что-нибудь теплое и снова покормить.

Потом Хульда попрощалась, но Лило смотрела только на Конрада и, казалось, почти ее не слышала.

На кухне она сказала Вольфгангу, чтобы тот приготовил жене еду и не оставлял ее в одиночестве в первую ночь.

– Но мне нужно на работу, – растерянно отозвался Вольфганг.

Хульда положила руку ему на плечо.

– Знаю. Тогда попросите какую-нибудь соседку, чтобы она приглядела за Лило. Желательно пожилую женщину с опытом, а не девчонку, которая пришла за мной сегодня утром. Понимаете?

Вольфганг кивнул, и Хульда пообещала, что вернется на следующий день.

Выйдя из квартиры, она услышала, как колокол ближайшей лютеранской церкви пробил полдень. Его звон звучал как музыка. Роды длились всего несколько часов. В этом бедняцком доходном доме, который, как соты, прилип к кишащему улью под названием Берлин, тихо и незаметно началась новая жизнь.

Прежде чем сбежать по лестнице, Хульда посмотрела на опечатанную дверь квартиры напротив. «Жизнь и смерть порой идут рука об руку», – подумала она, крепче прижимая к груди акушерский саквояж.

Глава 6

Среда, 31 мая 1922 года

Феликс пригладил рукой непослушные каштановые волосы и широко, со вкусом зевнул. Вчера он работал допоздна. Незадолго до закрытия в кафе ввалилась орда охочих до выпивки русских, которые возвращались с собрания, где обсуждали Троцкого, Ленина или, может, кого-то еще – признаться, Феликс не поспевал следить за новостями. Судя по раскрасневшимся лицам и громким голосам, русские успели приложиться к бутылке еще во время своего собрания. Здесь, в кафе, они заказывали у недовольной Фриды рюмку за рюмкой. Феликс сунул девушке в карман фартука несколько пфеннигов и погрозил пальцем –

мол, будь дружелюбнее с припозднившимися посетителями.

Сегодня Феликс встал позже обычного, и усталость цеплялась за него, как назойливая мартышка, от которой невозможно отделаться. К счастью, вчера после закрытия он дал Фриде еще одну монетку, попросив утром открыть кафе и держать оборону до его появления.

– Юноша, – укоризненно покачала головой матушка, уже поджидавшая Феликса у входа кафе. – Кто рано встает, того удача ждет! И когда ты успел разлениться?!

– Доброе утро, матушка. Позволь пройти. Меня ждет работа, – ответил Феликс, мягко отодвигая ее в сторону.

– Вот именно, – многозначительно ответила матушка.

Войдя в кафе, Феликс первым же делом сварил полный кофейник кофе (иначе общения с матерью ему не пережить) и, закрыв глаза, принялся маленькими глотками смаковать напиток. Вильгельмина Винтер тем временем расположилась за своим любимым столиком у окна, ее обслуживала невыспавшаяся и потому недовольная Фрида.

Щурясь от солнца, Феликс расставил на улице деревянные стулья и наполнил солонки, стоящие на мраморных столах. Все это время он украдкой рассматривал наряд своей матери. Вильгельмина Винтер была в своем репертуаре: изысканный шерстяной костюм, прозрачные чулки, норковый палантин, который супруг подарил ей на шестидесятилетие… Дорогую кожаную сумочку ручной работы матушка демонстративно поставила на столик, чтобы все видели, насколько успешны хозяева сего заведения.

«Что ж, – подумал Феликс, – так оно и есть». Вот уже много лет дела идут хорошо, и самую оживленную площадь Шенеберга просто невозможно представить без кафе «Винтер». С тех пор, как Шенеберг вошел в состав Берлина, местный базар увеличился: теперь сюда съезжались торговцы со всей округи, поэтому людей на Винтерфельдтплац стало в разы больше. Два года назад Феликс взял на себя заботу о кафе, чтобы помочь родителям, но если отец наслаждался бездельем и лишь изредка приходил сюда выкурить трубку и украдкой проверить, все ли в порядке, то мать не давала Феликсу покоя. Она

донимала его днями напролет: то проверит кассу, словно он – не умеющий считать школьник, то поправит стул, то, поджав губы, отчитает Фриду и других девочек за каждое пятнышко на фартуке…

Вот она снова махнула рукой со смесью заботы и упрека, которая приводила Феликса в бешенство.

– В чем дело, матушка? – с напускным воодушевлением спросил он.

– Поговори со своими официантками, пусть они будут поулыбчивее, – произнесла Вильгельмина театральным шепотом так, чтобы услышала Фрида, протирающая соседний столик.

– Не зря в народе говорят: как аукнется, так и откликнется…

– Что ты хочешь этим сказать, юноша?

– Что тебе следовало бы меньше критиковать всех вокруг. Ты невыносима.

Вильгельмина кисло улыбнулась.

– Я прощаю тебе эту грубость, поскольку вижу, что ты устал. Но помни, Феликс: я желаю тебе только добра! Недовольные посетители не скажут правду тебе в лицо, как это сделаю я. Они просто уйдут и больше никогда сюда не вернутся. – Она величаво выпрямилась. – А теперь передай повару, что я хочу яйца, сваренные ровно за шесть с половиной минут. Белок должен быть твердым, а желток жидковатым. Понял?

Феликс прикусил язык, чтобы сдержать вертящуюся на языке резкость, и кивнул.

– Погоди минутку, – велела Вильгельмина, схватив сына за рукав. Он опустил взгляд и почувствовал отвращение при виде ее темно-красных ногтей.

– Да?

– У меня для тебя кое-что есть.

Вильгельмина порылась в своей дорогой сумочке и вытащила оттуда фотографию.

Феликс мысленно застонал. Он подозревал, что сейчас произойдет.

– Полно, матушка, не нужно, – отмахнулся он.

Но сопротивляться было бесполезно.

– А я думаю, что очень даже нужно! Или я чего-то не знаю? Ты кого-то встретил? Достойную девушку, я надеюсь? Ты ведь знаешь, что сведешь меня в могилу, если притащишь домой какую-нибудь горничную или официантку?

– Не переживай, у меня никого нет.

Вильгельмина фыркнула.

– Из-за этого я и переживаю! Ты что, хочешь остаться на старости лет один? Тебе пора задуматься о семье! После тебя кафе должно перейти к следующему Винтеру! Вот, взгляни.

С этими словами она сунула Феликсу под нос фотографию, на которой была изображена девушка с длинными светлыми кудрями, курносым носом и улыбкой, которую он с неохотой признал неотразимой.

– Кто это?

Заметив интерес Феликса, матушка торжествующе улыбнулась.

– Это, мой дорогой, Хелена, дочь купца Штольца из Шарлоттенбурга. Ей двадцать лет, она не замужем и имеет безупречную репутацию. Ее родители очень хотят, чтобы Хелена познакомилась с порядочным и трудолюбивым молодым человеком. Таким, как ты.

– Меня печалит твое неверие в мои силы. Подожди немного, и я сам найду себе спутницу жизни.

Вильгельмина презрительно рассмеялась и убрала фотографию обратно в сумочку.

– Неужто ты до сих пор страдаешь по этой своей Хульде? Бедняжка останется старой девой. К тому же она никогда тебя не любила. Она и не может! Девчонка явно больна на голову, с такой-то наследственностью! Спятившая мать, сбежавший отец… Такие, как она, вечно норовят уклониться от ответственности! Нет, нашему семейству такая родня не нужна. Мы, немцы, должны сохранять свою нацию, а не разбавлять ее чужой кровью.

– Довольно! – прошипел Феликс и отвернулся. С него хватит. До чего же ему осточертел матушкин ядовитый язык без костей! Но больше всего Феликс злился, что она озвучила его тайные мысли – ведь сам он не раз кипел от гнева, думая о Хульде, и винил во всем ее непостоянный характер, ее болезненный страх перед близостью…

– Завтра в час, – негромко произнесла матушка ему вслед.

– Прошу прощения?

– Завтра в час у тебя обед с Хеленой. Она будет ждать тебя в «Кранцлере» на улице Курфюрстендамм, – пояснила матушка и, оттопырив мизинчик, налила в чашку молоко из фарфорового молочника. – Я тем временем присмотрю за кафе.

Разговор был окончен, и последнее слово снова осталось за ней. Поджав губы, Феликс отправился на кухню, где передал повару пожелание матери и стащил кусочек пирога. Феликс любил сладкое, однако в последнее время эта зависимость брала над ним верх, виновато подумал он и погладил выпирающий над поясом животик. Минувшая зима выдалась длинной и серой, и единственным его утешением стали шоколадные конфеты, круассаны со сладким кремом и марципан. В памяти невольно всплыло красивое личико Хелены Штольц. Обычно он бы быстро пресек матушкины попытки сводничества, но девушка на фотографии ему действительно понравилась.

Время подходило к обеду, Феликс сидел в подсобке и корпел над счетами. Из кухни тянулся аппетитный аромат жареной сельди.

– Господин Винтер! К вам посетитель! – позвала Фрида.

Феликс немедленно вышел в зал. Усмехаясь, официантка указала на красную фетровую шляпу, видневшуюся за дверью. Феликс тяжко вздохнул. Этого еще не хватало!

Звякнул колокольчик, и на пороге появилась Хульда. Краешком глаза Феликс увидел, что матушка бросила на него негодующий взгляд, но он как ни в чем не бывало встал за прилавок, делая вид, что очень занят.

– Добрый день, Феликс, – поздоровалась Хульда низким теплым голосом. Во всем мире для Феликса не было звука милее – пусть он и действовал как удар под дых.

– Добрый день, – пробормотал Феликс, мельком взглянув на Хульду. Ее красивое лицо выглядело усталым, а левый глаз выдавался вперед сильнее обычного. Видимо, была тяжелая ночь.

Раньше Феликс ждал Хульду в доме своих родителей, где до сих пор занимал верхний этаж. Ждал, даже если она возвращалась с родов на рассвете. Тогда она еще проходила практику в женской клинике в Нойкельне. Комната Феликса выходила во двор, и за окном росла сосна с гигантскими густыми ветвями. Хульда предпочитала этот путь: родители Феликса ее не жаловали. Феликс варил Хульде кофе и часами целовал ее, пока под утро она не засыпала, лаская своим размеренным дыханием подушки. Потом Феликс укрывал ее, запирал комнату снаружи, чтобы родители не вошли, и отправлялся на работу. Проснувшись, Хульда уходила тем же путем, каким пришла.

Тогда Феликсу не нужны были сладости, чтобы радоваться жизни.

– Крепкий мокко, пожалуйста, – сказала Хульда. – И парочку конфет, если есть.

Видимо, сегодня Хульде тоже нужны кофе и сахар, подумал Феликс и кивнул официантке, чтобы та принесла из кухни тайный запас сливочных трюфелей, которые хранились там на самый крайний случай. Феликс тем временем подошел к венской кофеварке из латуни.

– Ты сегодня молчалив, – заметила Хульда, придвинула к прилавку высокий табурет и взобралась на него. Феликсу всегда нравилась эта ее ловкость. Он почувствовал, как в нем снова поднимается волна гнева, и случайно рассыпал кофе.

– О чем ты хочешь поговорить?

– Ни о чем особенном. Просто поболтать, как это делают друзья.

– Вот мы кто? Друзья?

– Брось, Феликс! Конечно, мы друзья. По крайней мере, так я думала до этих пор, хотя в последнее время ты был холоден, как дохлая рыба.

– Кто бы говорил.

Феликс быстро отвернулся. Он и сам удивился своей резкости. Хульда на протяжении многих лет приходила к нему в кафе, садилась за прилавок и пила мокко. Даже после их расставания. Феликс всегда испытывал противоречивые чувства по этому поводу, но откуда взялась неудержимая злость, которая не давала ему покоя последние несколько недель? Феликс словно только сейчас понял, что они с Хульдой расстались окончательно и бесповоротно, и самое большее, на что он может рассчитывать – это на дружескую болтовню за прилавком, пока будет варить Хульде кофе. И так – до конца жизни.

Хульда схватила его за руку. Феликс догадывался, что подумает об этом матушка, но не попытался вырваться. Он посмотрел Хульде в глаза и увидел в светлой зеркальной радужке чувства, которые одновременно желал и проклинал. Буря внутри разом стихла.

– Прости. Я не выспался. Вот твой мокко. – Он поставил чашку перед Хульдой.

– Благодарю. Как ты вообще поживаешь? – Она потянулась к коробке, которую Фрида положила на прилавок, и засунула в рот трюфель.

Немного поколебавшись, Феликс последовал ее примеру. Сладкая маслянистая начинка таяла на языке.

– Хорошо. Жаловаться не приходится, – ответил он. – Наше кафе, конечно, не «Адлон», но от посетителей нет отбоя.

Он обвел рукой помещение. Почти все столики были заняты. На террасе посетители читали газеты за чашечкой кофе, кто-то даже заказал коньяк, и Фриде с другими официантками приходилось изрядно побегать, чтобы успеть всех обслужить. Стремительно приближалось время обеда.

– Зима была долгой, поэтому всем хочется выбраться из своих нор, – сказала Хульда, пробуя кофе. Она быстро надорвала пакетик с сахаром, высыпала содержимое в чашку и размешала. Потом как ни в чем ни бывало спрятала еще два пакетика в карман. Она всегда так делала, когда приходила сюда. Хульда облизнула губы, и Феликс завороженно смотрел, как они двигаются. – По крайней мере, те, кто может себе это позволить. Остальные киснут в своих грязных комнатушках. Этой ночью я принимала роды в Бюловбогене. Ты даже не представляешь, в какой бедности живут там люди! Отчаяние, насилие – они повсюду. – Хульда подалась немного вперед. – Соседка моей роженицы погибла. Ее выловили из Ландвер-канала.

– А, утопленница из канала! Я о ней слышал. Знаешь, что там произошло?

– Нет. Понятия не имею. – Хульда задумчиво молчала, допивая кофе. Потом тихо добавила: – Представить страшно, на какой тонкой ниточке держатся жизни этих людей! Дети, которым я помогаю появиться на свет, похожи на чистый лист. Они что есть мочи цепляются за жизнь своими крошечными, но сильными пальчиками, а потом катятся вниз, как на санках, не зная даже, куда держат путь. Одно неверное движение, одна роковая кочка – и они вываливаются, даже не успев осознать, что поездка подошла к концу.

Феликс испугался выражения ее лица.

– Погибшая была ровесницей твоей матери, – нерешительно сказал он. – В газете писали о возрасте.

Хульда уставилась на Феликса во все глаза, и он понял, что затронул больную тему. Она с нечитаемым видом кивнула. Ее лицо потеряло напускную строгость и сделалось каким-то ранимым, детским. Феликс тут же пожалел о своих словах, но они повисли в воздухе и забрать их было нельзя.

– Сегодня ровно четыре года, как она умерла, – тихо сказала Хульда.

Феликс вздрогнул. Он не помнил дату, но знал, что большинство самоубийств совершаются весной, когда мрачные мысли особенно угнетают на фоне ясной погоды и царящего вокруг приподнятого настроения. В памяти с болезненной остротой всплыли воспоминания о том дне. О пепельно-сером лице Хульды, которая молчала в своем горе. О застывшем в странной позе теле, о шприце в обмякший руке. О маленькой стеклянной ампуле, которая лежала рядом на ковре. О разбросанных повсюду осколках. Феликс помнил, что окно было открыто и колышущиеся на ветру тонкие светло-серые занавески напоминали дым, поднимающийся из городских труб. Тело унесли. Хульда молчала.

Это стало началом конца их отношений.

– Мне хочется ей помочь, – продолжала Хульда.

– Кому? – неуверенно переспросил Феликс, который все прослушал.

– Лило, роженице из Бюловбогена. Ей следует отдыхать, но она очень переживает из-за смерти своей соседки. Если свежеиспеченные мамочки будут чрезмерно волноваться, то у них может начаться воспаление в груди.

Феликс стряхнул с себя воспоминания и уставился на верхнюю пуговицу на блузке Хульды. Она была расстегнута, и воротник немного съехал, открывая взгляду загорелую шею. Можно было разглядеть бьющуюся там жилку пульса. Феликс сглотнул. Что она сейчас сказала? Что-то про грудь?

– Я могу тебе еще что-нибудь предложить?

– У тебя найдется сигаретка?

Феликс неохотно взял пачку, которая лежала на полке под прилавком, и протянул Хульде сигарету. Потом, не дожидаясь просьбы, чиркнул спичкой и дал ей прикурить. Хульда жадно обхватила губами фильтр. «А ведь раньше она не курила, – подумал Феликс. – Интересно, что еще она теперь делает, чего не делала раньше?»

Окутанная слабым сизым облаком Хульда соскользнула с табурета.

– Я возьму парочку. – Она завернула несколько конфет в салфетку и подняла руку, прощаясь. – Я потом заплачу! Береги себя, Феликс. Спасибо, что выслушал.

«Потом? После дождичка в четверг», – подумал он, но вслух ничего не сказал. Лишь помахал в ответ, глядя, как Хульда пружинистым шагом направляется к двери. Проходя мимо столика матушки, она приветливо поздоровалась, за что была вознаграждена испепеляющим взглядом. На пороге Хульда обернулась и подмигнула, как в старые добрые времена, когда они с Феликсом играли в прятки с его матушкой и целовались до опухших губ, прячась в тени угла дома. Феликс крепко зажмурился. Дверной колокольчик язвительно звякнул, словно насмехаясь.

Через несколько секунд Феликс приоткрыл глаза. В воздухе все еще висел запах сигарного дыма. Феликс потянулся к коробке конфет, но та оказалась пустой.

Глубоко вздохнув, он принялся натирать стаканы, стоявшие длинными рядами. Гомон голосов и стук столовых приборов меж тем становились все громче. Впереди еще много дел. Вот бы только выбросить из головы взгляд Хульды, в котором Феликс все надеялся увидеть ответное чувство!

Внезапно он понял, что встретится завтра с Хеленой Штольц. Больше так продолжаться не может. Хульда ушла от него навсегда, пусть даже ей нравится время от времени болтать с ним, как со старым другом. Этого ему недостаточно, не может быть достаточно, если он хочет двигаться дальше. Поэтому Феликс закрыл глаза, вспомнил светловолосую девушку с фотографии, которую показала матушка, и попытался выбросить из головы лицо Хульды. Руки его продолжали машинально натирать стаканы, пока они не засияли как хрустальные.

Глава 7

Четверг, 1 июня 1922 года

Царившая в комнате темнота окружала Карла туннелем, стены которого неумолимо сужались. Почувствовав, что задыхается, он рывком расстегнул воротничок рубашки и судорожно вдохнул. Его захлестнула паника – как и всегда в такие моменты. Карл встал, запрокинув голову, чтобы облегчить кислороду путь к легким, и в два шага оказался у окна. Распахнул ставни, впуская в комнату ночной воздух. Стало чуточку легче. Сердце бешено колотилось, словно пытаясь помочь ему выжить. В груди стучало. В голове – тоже.

Выругавшись, Карл вернулся к колченогому столу, за которым и работал, и ел. На столе громоздились книги и толстые стопки бумаг, густо исписанных неразборчивым почерком. Учитель всегда ругал Карла за почерк и частенько поколачивал, пока наконец не понял, что Карл умен, пусть и неряшлив. Между пустыми тарелками виднелись таблетницы и две пустые бутылки из-под вина, покрытые толстым слоем пыли. На полу лежала наполовину разложенная карта города, на которой Карл отметил места обнаружения трупов по одному старому делу. Давно следовало сдать эту карту в архив… Но Карл и порядок были вещами несовместимыми. Чем необузданнее становились мысли, бушевавшие у него голове, тем в больших хаос превращалось все вокруг. Вот почему во время службы в прусской полиции ему пришлось несладко. Начальство постоянно выговаривало ему за небрежность в одежде: за оторвавшуюся пуговицу на мундире или за расстегнутую рубашку… Стоит ли говорить, что Карл потерял счет зонтам и шляпам, которые потерял, забыл в метро или оставил в каком-нибудь кабаке.

Карл со стоном рухнул на стул и зарылся руками в гриву светлых волос. Сердцебиение постепенно выровнялось, но напряжение в конечностях не ослабевало. Между бумаг лежала тетрадка, найденная в квартире на Бюловштрассе. Она выглядела неприметно, но все равно пугала Карла до чертиков. Зря он принес ее домой.

Понимая, что совершает очередную ошибку, Карл схватил стоявшую на полу бутылку джина и щедро плеснул в заляпанный стакан. Поднес стакан к губам и сделал глоток. Скривился и залпом допил до дна.

Потом налил еще.

По телу медленно – очень медленно – подбиралось обещание грядущего успокоения. После второго стакана страх погибнуть от удушья отступил и

по груди разлилось приятное тепло.

Но образы из прошлого не оставляли. Перед глазами встали суровые лица сестер, Карл давно забыл имена большинства из них, но до сих пор чувствовал на запястье цепкие пальцы, до сих пор вздрагивал, вспоминая холодную купальню, где стоял с другими мальчишками – голый, дрожащий, вынужденный умываться ледяной водой. Сестры-надзирательницы впадали в гнев, если видели, как вместо того, чтобы тщательно помыться, мальчики нерешительно плескали в лицо пригоршню воды. Тогда одна из них зажимала непослушного ребенка меж коленей, а вторая принималась теперь его жесткой мочалкой, пока кожа – особенно между ног – не краснела и воспалялась.

«Вы свиньи, а не мальчишки!» – бранились сестры. Они частенько били детей руками или палками куда ни попадя. Боль была ужасной, но еще ужаснее были унижения и осознание того, что ты ничего не стоишь, что никто на свете тебя не любит и никогда не защитит. Иногда Карл представлял себе, каково будет умереть взаправду, перейти из этого серого, холодного мира в другой. Один из мальчиков постарше, его звали Людвиг, однажды сделал то, о чем Карл только мечтал: белым январским днем выбросился из окна колокольни. Его неестественно согнутое тело лежало на заснеженном дворе, как мертвый птенец.

Взбешенные монахини впервые потеряли дар речи и поспешно вызвали врача, который и выдал свидетельство о смерти. Врачу сказали, что произошел несчастный случай. Глупый мальчишка вылез из окна и поскользнулся. Но все дети знали правду. Последние несколько дней Людвиг только и твердил, что не хочет жить. Тремя неделями ранее его поймали на краже хлеба с кухни. Мальчики были вечно голодные, потому что еды постоянно не хватало. Сестры заперли Людвига в карцере, который был похож на пещеру и находился под половицами, куда никогда не проникал свет. Там нельзя было стоять, передвигаться приходилось на четвереньках, а испражняться можно было только в углу. В карцере дети оставались один на один с таящимися там демонами. Карл лишь однажды испытал это на своей шкуре. В шесть лет его отправили в карцер на сутки – он заправил свою постель не так, как должно. После этого мальчик несколько дней не мог сказать ни слова.

Людвиг провел в карцере целых две недели. Когда его наконец выпустили, он неудержимо трясся и не мог ходить, только ползал. Он заикался и бормотал, словно пьяный. С тех пор он говорил о смерти как о добром друге, который

заберет его отсюда. Поэтому все мальчишки знали, что Людвиг, едва смог стоять на ногах, забрался на колокольню, раскинул руки и спрыгнул. Прочь, подальше от этого места, которое стало адом для них всех.

Карл боялся боли, поэтому не осмелился последовать примеру Людвига. Он ждал и ждал, сам не зная чего. Он словно сидел на вокзале, через которых не ходят поезда.

У Карла сохранилась черно-белая фотография с тех времен. Однажды в приют приехал фотограф – запечатлеть милосердие сестер, спасающих бедные души. Одна из сестер причесала Карла, смочила ему волосы водой и заставила надеть жесткий костюм. С фотографии на него смотрело мягкое симметричное лицо. Обрамленные длинными ресницами большие глаза, серые на изображении, но зеленые в жизни, глядели мудро и серьезно. Золотистые волосы мягкими волнами падали на высокий лоб. Карл был похож на ангелочка.

Сестер это злило, словно в его красоте они видели семя зла. Карл был неряшливым, молчаливым и неприветливым – по крайней мере, так любила повторять сестра Мехтильда, взирая на него разочарованным взглядом, которого он так боялся. Но чем усерднее мальчик пытался ей угодить, тем хуже получалось. Только телесными наказаниями и суровой любовью, говорила сестра, можно наставить на путь истинный. «Бог милостив», – избив мальчика палкой, бормотала она и гладила его по золотистым кудрям.

Карл в этом сомневался.

Стакан опустел. Карл задумчиво провел пальцем по кромке, отчего раздался тихий звук. Взгляд снова упал на тетрадь, которая с безобидным видом лежала посреди бумаг и книг. Это из-за нее воспоминания тревожили Карла больше обычного. Это из-за нее вокруг сгущалась тьма, угрожавшая задушить в своих объятиях. Сейчас он чувствовал то же, что когда сидел в карцере.

Карл стукнул кулаком по столу и случайно смахнул стакан, который с глухим стуком упал и покатился по деревянному полу. Полегчало: стены перестали сужаться, воздух проникал в легкие и выходил обратно…

Повинуясь порыву, Карл схватил тетрадь и открыл посередине. В душу закралось мерзкое предчувствие, что он совершает ошибку. Он – полицейский и

не имеет права скрывать улики, он должен отнести эту тетрадь в управление и показать своему помощнику, который сможет ее изучить… Но Фабрициус, наверное, давно забыл о существовании этой вещицы…

«Пусть так оно и остается», – решил Карл. Он не знал, кроются ли в тетради подсказки, которые помогут раскрыть смерть Риты Шенбрунн, и пытался преодолеть свое нежелание заглянуть внутрь. Как бы то ни было, уже слишком поздно вносить тетрадь в опись изъятых вещей. Карл должен узнать правду, которую так отчаянно ищет – и в то же время желает предать забвению.

Карл поражался гневу, который каждый раз охватывал его при мысли об изможденной женщине на столе морга, о редких волосах, сквозь которые просвечивала кожа на голове…

Он неохотно перелистывал страницы тетради – дневника – не в силах разобрать ни слова, и подумывал, а не сжечь ли вещицу? Но что-то удерживало его. Если точнее – застрявшее между страницами письмо. Он снова его вытащил.

Приют, письмо из которого Карл держал в руках, назывался Домом милосердия. Какая злая ирония!

Дрожа, он сунул пожелтевшую бумагу обратно и отодвинул тетрадь подальше, словно одно прикосновение к ней могло испачкать руки. Как бы крепко он ни зажмуривался, перед глазами отчетливо стояла покойница и черные воды, неторопливо текущие под мостом и омывающие стены канала.

Помимо гнева теперь Карл испытывал кое-что еще – горе, которое камнем легло на сердце.

Глава 8

Четверг, 1 июня 1922 года

– Да? – отозвалась расплывшаяся старушка в потертом халате, высунув голову из дверного проема квартиры на первом этаже. Ее седые влажные волосы были

накручены на бигуди, между которыми выглядывала бледная кожа. – А, вы та девушка, что приняла роды у Шмидтов?

Хульда кивнула. Сегодня она вернулась к Лило, показала новоиспеченной матери, как пеленают детей, и дала ей немного поспать, а сама тем временем посидела на кухне с малышом. До сих пор Конрад был просто образцовым ребенком: почти не плакал и сразу засыпал, когда его качали на руках. И все же Лило выглядела так, словно не спала несколько недель.

Хульда прошлой ночью тоже не сомкнула глаз. Она вглядывалась в темноту своей тихой мансарды, пока в голове стремительным калейдоскопом проносились воспоминания о матери. Ужасным был не только конец Элизы Гольд, но и предыдущие годы жизни.

Разговаривая с Феликсом в кафе, Хульда старалась не показывать, как переживает из-за годовщины маминой смерти – хотя Феликс прекрасно понимал глубину ее горя. Он знал Хульду как никто другой. Он обнимал ее, когда маму увозили на машине скорой помощи. Без сирены. Но Хульда больше не могла быть с ним, не могла позволить себе вернуться к комфорту, который обеспечивала их давняя дружба.

Хульда отвлеклась работой, как делала всегда. Сюда она приехала в свой обеденный перерыв, а потом собиралась отправиться на первое занятие курсов по повышению квалификации, которые проходили в женской клинике Нойкельна – там же, где в юности она обучалась на акушерку. Но сегодня Лило снова смотрела на Хульду с такой мольбой во взгляде, что та решила сначала переговорить с кастеляншей.

– Вы ведь госпожа Козловски? – на всякий случай уточнила она, после чего представилась: – Меня зовут Хульда Гольд. Можно зайти к вам на минуточку?

– Конечно, милая моя. Проходите в парадную!

Госпожа Козловски, похоже, была рада нежданной гостье. Она взяла Хульду за руку, потащила в коридор, захлопнула за ней дверь и даже задвинула засов, словно отрезая путь к отступлению. Потом проковыляла в гостиную, где царил ужасный бардак. В первую очередь в глаза бросались неубранная постель, влажные полотенца и разложенные на низком столике остатки пряжи с

бесчисленным количеством вязальных спиц. Посреди беспорядка можно было увидеть по меньшей мере десяток бутылок, некоторые из них валялись на полу. Хульда уже почувствовала исходящий от госпожи Козловски запах перегара и увидела под ее мутными глазами лопнувшие красные прожилки, указывающие на любовь к спиртному. Хульда была не понаслышке знакома с женским алкоголизмом.

– Выпить не хотите? – предложила госпожа Козловски и, не дожидаясь ответа, плеснула портвейн в два не очень чистых бокала на толстых ножках. Потом протянула один из них Хульде.

– Почему бы и нет? Благодарю! – Хульда пригубила кисло-сладкую жидкость и сразу же ощутила успокаивающее жжение в горле. «Главное – не переборщить», – подумала она. Завтракала Хульда давно, причем завтрак ее состоял из одной только ржаной булочки с медом, которую она проглотила за рулем велосипеда, потому что снова проспала. Она опьянеет, если выпьет сейчас больше одного бокала.

– Вы чего-то хотели? – поинтересовалась кастелянша, подливая себе портвейна.

Хульда скользнула взглядом по фотографиям на стенах. Люди в темных одеждах, мужчины в форме… По напряженным лицам позирующих было видно, что им приходилось долго оставаться в одном положении, чтобы фотограф запечатлел их черты.

Хульда с нарочитой беззаботностью сказала:

– Говорят, вам здесь все доверяют. Вас можно назвать хранительницей тайн этого дома.

– Да, можно, – хихикнула Козловски. – У меня память как у слона. Правда, когда мне нездоровится, то могу и что-нибудь забыть. Я очень чувствительна к изменению погоды, знаете ли… От этого у меня каша в голове и мысли путаются.

Хульда кивнула, сдерживая улыбку.

– Я хотела спросить, хорошо ли вы знали Риту Шенбрунн? Может, она доверяла вам какие-нибудь секреты?

Лицо госпожи Козловски искривилось от горя.

– Ужасное происшествие, правда? Да чего вы там стоите, садитесь! – Она скинула грязные вещи с видавшей лучшие дни кушетки, из которой торчали пружины.

Хульда осторожно села на краешек и ободряюще улыбнулась хозяйке.

– О чем это я? Ах да, вы спросили о госпоже Шенбрунн из третьего подъезда. Ужас, просто ужас! Мы с Ритой любили иногда пропустить по стаканчику. Какое-никакое развлечение для двух пожилых дам, понимаете? Ей нравился портвейн, который вы сейчас пьете… Но после того, что случилось с ее мужем и дочкой Хильдой… – Госпожа Козловски вытерла глаза и всхлипнула. – Рита изменилась.

Она выдержала театральную паузу и посмотрела на Хульду, явно ожидая вопросов. Хульда готова была подыграть.

– А что с ними случилось?

Кастелянша многозначительно провела пальцем по горлу.

– Померли, причем оба. Что муж, что ребенок, – мрачным голосом сказала она. Ее щеки и дряблая кожа на подбородке дрожали от возбуждения. – Случилось это в тысяча девятьсот восемнадцатом, вскоре после окончания войны. Эпидемия испанки. Да что я вам рассказываю! Только здесь, в нашем доме, погибло десятка два человек, если не больше! В основном, конечно, старики да маленькие детки… А ведь Конрад, муж Риты, был здоровяк каких поискать! Сначала у него разболелась голова, потом началась лихорадка, и он выблевал себе все кишки… А всего через неделю слегка и дочка! Никто такого не выдержит. Вот Рита и съехала с катушек.

Хульду не покидало ощущение, что, несмотря на сочувственные слова, госпожа Козловски наслаждается происходящим. Девушка быстро осушила стакан, вспомнив рассказ Берта об эпидемии, которая охватила город, как пожар. Еще

Берт рассказывал, что философ-коммунист по имени Фридрих Энгельс еще после войны 1871 года предсказал, что Германию ждет очередная губительная война, которая закончится эпидемией и голодом. Хульда частенько вспоминала эти слова, поскольку на этом предсказание не закончилось. По словам Берта, Энгельс говорил, что Германия в конечном итоге будет разорена и уничтожена. Хульда не знала, что об этом и думать: ей казалось, что страна понемногу оживает.

Она задумчиво посмотрела на госпожу Козловски, которая наклонилась вперед, наливая себе третий бокал. Бигуди у нее на волосах заколыхались под своим весом.

– Давайте и вам плесну? – предложила кастелянша, кивнув на бутылку.

«Да пропади оно все пропадом», – подумала Хульда и протянула свой пустой бокал госпоже Козловски. Та наполнила его самых до краев. Хульде пришлось осторожно отпить немного портвейна, прежде чем она смогла поставить бокал на стол рядом со ржавой швейной машинкой. После этого она выжидающе посмотрела на госпожу Козловски. Раз уж она здесь, то попытается выяснить, что произошло с Ритой Шенбрунн.

– Вы сказали, что после потери родных Рита изменилась. В чем это выражалось?

– Она начала пить как сапожник, – ответила госпожа Козловски, слизывая капельки портвейна с тонких губ. – Даже прямо ходить не могла, качалась из стороны в сторону! Поначалу в лечебнице на это закрывали глаза, но вечно так продолжаться не могло, ясное дело. Через год или два Риту уволили.

– Госпожа Шенбрунн работала в клинике?

– Да, в далльдорфской психушке. У нее было время, чтобы работать. Малышка Хильда родилась спустя годы после свадьбы, а больше детей у них не было. Рита как-то сказала, что хотела бы иметь большую семью, но у нее не получалось. Не все в жизни получается так, как хочется, верно, милочка?

Хульда закашлялась, подавившись портвейном. Госпожа Козловски заботливо похлопала ее по спине, а потом с тоской указала на одну из фотографий, с которой серьезно смотрели четверо детей, выстроившиеся по росту перед

деревянной лошадкой-качалкой.

– Даже если получается родить детей, которые прошли через войну и остались невредимы… В конце концов ты остаешься в одиночестве. Никто не приезжает навестить старушку-мать. – Госпожа Козловски вытерла слезы, которые потекли из ее покрасневших глаз.

Было видно, что она погрузилась в прошлое, поэтому Хульда поспешила уточнить:

– Значит, Рита работала медсестрой?

– До недавнего времени, – кивнула госпожа Козловски, взяв себя в руки. – Она пошла учиться, чтобы найти работу и помогать мужу. Конечно, он должен был дать свое согласие. Это сегодня девчонки вроде вас могут делать все, что им заблагорассудится, а тогда были совсем другие времена…

Хульда подумала, что времена, может, и изменились, но вот законы остались прежними. Если бы она вышла замуж, то чтобы работать, ей тоже пришлось бы получить письменное разрешение от мужа. Зато теперь женщинам разрешили голосовать! Правда, Хульда совсем не интересовалась политикой… Она попыталась сосредоточиться. Что кастелянша сейчас сказала?

– Какой-какой была Рита?

– Умной и сообразительной. Она с отличием выучилась и сразу же нашла работу. Конечно, не все мечтают работать с психами, но Рита повторяла, что ей нравится чувствовать себя нужной. Она вечно рассказывала про современные методы лечения и все такое. Я как-то поднялась к Рите в квартиру и увидела у нее тетрадку, куда она добросовестно записывала разные методы лечения, что говорят врачи, кто пациенты и… не знаю. Я не разбираюсь в ваших медицинских штучках.

Да, в этом у Хульды не было ни тени сомнений.

– И что случилось потом?

– А потом ей пришлось собрать вещички. Руки у нее тряслись, она больше не могла ставить уколы. Ревела она тогда белугой… К тому времени Рита уже перебралась в маленькую квартирку в последнем подъезде, а в ее старую въехала большая семья. Сейчас так трудно с жильем, что иначе и быть не могло. Это ей еще повезло. Чем, скажите на милость, ей было платить за квартиру?

– А на что она тогда жила?

Госпожа Козловски снова посмотрела на Хульду со смесью торжествующего восторга и стыда.

– Нам остается лишь догадываться, милочка. Ходят тут разные слухи… Видимо, Рита пошла на панель. – Она пожала плечами. – В ее-то возрасте! Подумать страшно. Так низко пасть… А ведь у Риты было доброе сердце. Она такого не заслужила. С ее стороны было глупо не иметь запаса на черный день. Вот я как следует сберегла наследство моего Вильгельма!

Хульда встала. Ей больше не хотелось выслушивать язвительные замечания госпожи Козловски о своей покойной соседке, замаскированные под притворное сочувствие. Колени у нее подкашивались, словно она ступала по зыбкому песку. Ну и портвейн!

– Боже правый, – пронзительно засмеялась госпожа Козловски. – Бедненькая моя, на вас лица нет! Вам лучше сесть, милочка. Промочите горло на дорожку.

С этими словами она откупорила бутылку с прозрачной жидкостью, на этикетке которой было написано «Данцигский ликер «Гольдвассер». Хульда в ужасе отпрянула.

– Большое спасибо, госпожа Козловски. У вас здесь замечательно, но мне сегодня еще работать.

С этими словами она осторожно, по стенке подошла к двери, вежливо попрощалась и еще раз поблагодарила за гостеприимство.

Но стоило кастелянше закрыть за Хульдой дверь, как она глубоко вздохнула. Стойкий душок выпивки и немытого старческого тела был настолько тяжелым,

что запах жареной капусты, витавший на лестничной клетке, казался почти приятным. «Мне срочно нужно перекусить и выпить чашечку крепкого кофе», – подумала Хульда и направилась к стоявшему во дворе велосипеду. Она решила пойти пешком, чтобы не рисковать, и теперь вела велосипед вдоль Бюловштрассе, глубоко вдыхая воздух раннего лета.

Небо было затянуто тучами, но дождя, скорее всего, не будет. Отменный мокко подавали в кафе «Винтер», но сегодня Хульда решила обойтись без него. Лучше она пойдет в какую-нибудь кофейню на Потсдамерплац, куда можно дойти минут за двадцать. Ей не хотелось портить Феликсу настроение своим присутствием. Кроме того, Хульда устала от его жалости к себе. При мысли о Феликсе у нее в душе поселилось странное смятение.

По дороге Хульде повстречались несколько желтых омнибусов, множество автомобилей, ехавших по широкой Потсдамерштрассе в северном направлении, и мальчишки-курьеры, которые пролетали мимо нее на велосипедах, звоня в колокольчик. Кто-то громко присвистнул Хульде вслед, и она усмехнулась: может, не такая уж она и старая.

На мосту неподалеку от площади Потсдамерплац толпились люди: добровольцы из Армии спасения раздавали голодающим горячий суп в жестяных мисках. Хульде было больно смотреть на изможденные детские личики, на беззубо улыбающихся стариков и смущенных матерей, которые не могли накормить свои семьи. Пока она пробиралась сквозь толпу, нескольких человек приняли ее за сестру милосердия – видимо, из-за чепчика.

На большом нарисованном от руки плакате было написано: «Сослужите Богу службу, пожертвовав на нужды полевой кухни».

«Полевая кухня. Что это за слово вообще такое? – покачала головой Хульда. – Почему все в этой стране, даже еда, имеет военный подтекст?»

Потом она подумала: «Интересно, а Рита Шенбрунн тоже стояла в очереди за супом или ей не позволяла гордость?» Почему эта женщина решилась на самоубийство? Потому что не смогла смириться с потерей семьи и любимой работы? По крайней мере, так думала кастелянша. А вот Лило решительно исключала такую возможность. Что же случилось на самом деле? Может, Рита упала в канал, потому что была пьяна? Или ее смерть как-то связана с тем, что

она была проституткой? Может, Риту убил кто-нибудь из ее окружения? Может, кто-то хотел свести с ней счеты? В этой среде не брезгуют никакими методами.

«В любом случае, судьба этой женщины довольно трагична», – подумала Хульда, выискивая свободный столик в кофейне на углу. Она помахала официанту, заказала что-то поесть и рассеянно улыбнулась в ответ на его улыбку. Все это время какая-то смутная мысль не давала Хульде покоя, но она не могла понять, какая именно. Это неприятное ощущение навязчиво преследовало ее, заставляя заново прокручивать в голове разговор с госпожой Козловски. Казалось, Хульда что-то упускала, но что именно? Точно, теперь она вспомнила! Кажется, госпожа Козловски сказала, что Рита Шенбрунн вела какой-то дневник, в котором делала рабочие пометки. «Может, она также записывала свои личные переживания?» – подумала Хульда и с благодарностью отпила кофе из изящной чашечки, которую поставил перед ней официант. Лучик солнца пробился сквозь облака и заплясал на ее голых руках. Мир снова прояснился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shtern_anne/schast-e-momenta

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити